

Ў ЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

О БЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

3

1965

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Тўққизинчи йил наشري

3

1965

ЎЗБЕКИСТОН ССР „ФАН“ НАШРИЁТИ

Т О Ш К Е Н Т

А К А Д Е М И Я Н А У К У З Б Е К С К О Й С С Р

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания девятый

3

1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“ УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР И. М. МУМИНОВ (*редактор*), акад.
АН УзССР Х. С. СУЛАЙМАНОВА (*зам. редактора*),
акад. АН УзССР К. Е. ЖИТОВ, член-корр. АН УзССР
К. Н. БЕДРИНЦЕВ, член-корр. АН УзССР Я. Г. ГУЛЯ-
МОВ, член-корр. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, доктор
филол. наук Г. А. АБДУРАХМАНОВ, доктор экон. наук
А. М. АМИНОВ, доктор экон. наук О. Б. ДЖАМАЛОВ,
доктор юр. наук Ш. З. УРАЗАЕВ, доктор филос. наук
К. Х. ХАНАЗАРОВ, канд. ист. наук С. А. АЗИМДЖАНОВА,
канд. ист. наук А. К. ВАЛИЕВ (*зам. редактора*), канд. ист.
наук Б. В. ЛУНИН, канд. филос. наук М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ,
Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

А. М. АМИНОВ

О ЗАДАЧАХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ УЗБЕКИСТАНА

Народы Средней Азии имеют богатую хозяйственную историю. С древнейших времен на территории Средней Азии существовали цветущие оазисы с крупными ирригационными, гидротехническими сооружениями и высокой земледельческой культурой. В оазисах выращивались хлопчатник, семенная люцерна, зерновые культуры, сады и виноградники, развивались шелководство, каракулеводство и другие отрасли сельского хозяйства. Разнообразная продукция ремесленно-кустарной промышленности пользовалась широкой славой, развивалась внутренняя, внешняя и транзитная торговля. Возникали крупные города, сохранившие и поныне замечательные памятники материальной культуры, — Самарканд, Бухара, Хива и др.

Однако бесконечные нашествия чужеземных завоевателей (греков, арабов, монголов, персов и т. д.), непрерывные феодальные войны и усобицы привели к концу XVIII—XIX в. Среднюю Азию и ее производительные силы к значительному разорению и упадку.

Присоединение Средней Азии к России дало известный толчок развитию производительных сил, вызвало оживление хозяйственной жизни, но не привело к коренной ломке патриархально-феодальных отношений. Царизм и российская буржуазия намеренно консервировали экономическую, политическую и культурную отсталость Средней Азии, стремясь тем самым упрочить здесь свое колониальное господство и сохранить этот богатейший край на положении аграрно-сырьевого придатка метрополии.

Подлинная социальная и хозяйственная история народов Средней Азии, как и других народов нашей страны, начинается с победой Великой Октябрьской социалистической революции и развертывания строительства социализма в нашей стране.

Под руководством Коммунистической партии, с братской помощью великого русского и других народов СССР народы Средней Азии в исторически короткий срок совершили гигантский скачок от феодализма к социализму, минуя капиталистическую стадию развития, ликвидировали свою былую отсталость и стали цветущими передовыми социалистическими нациями.

Пройденный народами Средней Азии исторический путь и накопленный ими богатый опыт экономического строительства представляет большой теоретический и практический интерес и требует глубокого, всестороннего изучения и научного обобщения. Научное обобщение и освещение экономической истории народов Средней Азии, как и других народов нашей страны, играет важную роль в идейном воспитании трудящихся.

Этот исторический опыт имеет огромное значение для народов Азии,

Африки, Латинской Америки, вставших на путь самостоятельного развития и социального прогресса.

Раскрытие объективных закономерностей сложных экономических процессов со всеми их трудностями и особенностями, анализ основных путей и методов борьбы народных масс за социализм под руководством Коммунистической партии и Советского государства должны явиться основной задачей научно-исследовательской работы в области экономической истории Средней Азии.

Надо сказать, что у нас имеется немало работ, в той или иной степени освещающих экономическую историю народов Средней Азии. К ним прежде всего относятся труды члена-корр. АН СССР С. П. Толстова «Древний Хорезм», «По следам древнехорезмийской цивилизации»¹, в которых автор на основе археологических исследований и раскопок установил, что Хорезм еще в глубокой древности был одним из центров мировой цивилизации. Особо следует отметить капитальную монографию члена-корр. АН УзССР Я. Г. Гулямова «История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней»², в которой обобщены итоги многолетней работы археологов по изучению истории орошения Хорезма.

Эти работы дали ценные материалы, использованные при строительстве крупных современных ирригационных сооружений в различных районах Средней Азии.

Опубликован целый ряд исследований по экономической истории Средней Азии периода позднего феодализма и эпохи капитализма. К ним относятся работы С. Е. Толыбекова «Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв.»³, М. А. Абдураимова «Аграрные отношения в Бухарском ханстве в XVI—XIX вв.»⁴, А. М. Аминова «Экономическое развитие Средней Азии со второй половины XIX и начала XX века»⁵, С. И. Ильёсова «Земельные отношения в Киргизии в конце XIX—начале XX вв.»⁶.

Однако все эти работы освещают лишь отдельные периоды и стороны экономической истории дореволюционной Средней Азии. Сводной работы, охватывающей все периоды экономической истории Средней Азии с древнейших времен до наших дней, до сих пор еще нет.

Существовавший ранее в Институте экономики АН УзССР отдел истории народного хозяйства и экономической мысли был ликвидирован. В планах исследований секторов истории народного хозяйства институтов экономики академий наук среднеазиатских республик изучается только советский период. Как правило, институты истории и археологии академий наук республик Средней Азии экономической историей не занимаются. Вузовские кафедры политэкономики этих республик (кроме кафедры политической экономии Ташкентского института народного хозяйства) также не осуществляют разработку вопросов истории народного хозяйства дореволюционного периода.

¹ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948; По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948.

² Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, 1957.

³ С. Е. Толыбеков, Общественно-экономический строй казахов в XVII—XX вв., Алма-Ата, 1959.

⁴ М. А. Абдураимов, Аграрные отношения в Бухарском ханстве в XVI—XIX вв., докторская диссертация, Ташкент, 1964.

⁵ А. М. Аминов, Экономическое развитие Средней Азии со второй половины XIX и начала XX вв., Ташкент, 1959.

⁶ С. И. Ильёсов, Земельные отношения в Киргизии в конце XIX—начале XX вв., Фрунзе, 1963.

Несколько лучше обстоит дело с изучением истории народного хозяйства советского периода. И это вполне закономерно, ибо обобщение опыта социалистического строительства, в том числе экономического строительства, является первоочередной задачей исследований в области экономической истории.

За последние годы появились многочисленные монографические работы и очерки по истории народного хозяйства советских республик Средней Азии и Казахстана.

Институт экономики АН КазССР готовит трехтомный труд — «Очерки истории народного хозяйства Казахстана». Уже вышли в свет I и II тома «Очерков» (1959, 1962), охватывающие период 1917—1941 гг. Работа выполнена под руководством доктора экон. наук Т. Чуланова. Собран и обобщен интересный материал, характеризующий экономическое развитие Казахской ССР за годы социалистического строительства.

В 1957 г. к сорокалетию Великого Октября был издан сборник статей «Развитие экономики и культуры Советского Узбекистана». Это была первая попытка создания научной истории народного хозяйства Узбекистана.

Монографическое исследование «История народного хозяйства Узбекистана», т. I (1917—1940 гг.), выпущенное в 1962 г. Институтом экономики АН УзССР, всесторонне обобщило опыт социалистических преобразований и развития экономики Советского Узбекистана. Как видно, исследование не доведено до конца в связи с закрытием в институте отдела истории народного хозяйства. Но этот пробел восполняется подготавливаемой коллективом сотрудников кафедры политэкономии ТИНХ к изданию сводной монографией «Экономическая история Советского Узбекистана», охватывающей весь советский период. К числу монографических исследований по отдельным аспектам экономической истории республик Средней Азии относятся работы П. А. Алампиева «Ликвидация фактического неравенства народов Советского Востока»⁸, в которой показан процесс ликвидации экономического неравенства ранее отсталых народов окраин России; М. С. Джунусова «Об историческом опыте строительства социализма в ранее отсталых странах»⁹, в которой обобщается опыт строительства социализма ранее отсталыми народами, совершившими исторический переход от патриархально-феодалных отношений к социализму.

За последние годы в Узбекистане, Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Туркмении опубликован ряд интересных и ценных работ по проблемам экономической истории — Ш. Ш. Абдуллаева «От неравенства к расцвету»¹⁰, В. Я. Непомнина «Исторический опыт строительства социализма в Узбекистане» (1917—1937 гг.)¹¹, С. Байшева «Победа социализма в Казахстане»¹², Я. Шарипова «Из истории построения фундамента социализма в Таджикистане»¹³, А. Турсунбаева «Победа колхозного строя в Казахстане»¹⁴, О. Б. Джамалова «Развитие материально-произ-

⁸ П. А. Алампиев, Ликвидация фактического неравенства народов Советского Востока (по материалам Казахской ССР), М., 1958.

⁹ М. С. Джунусов, Об историческом опыте строительства социализма в ранее отсталых странах, М., 1958.

¹⁰ Ш. Ш. Абдуллаев, От неравенства к расцвету, Ташкент, 1963.

¹¹ В. Я. Непомнин, Исторический опыт строительства социализма в Узбекистане, Ташкент, 1960.

¹² С. Байшева, Победа социализма в Казахстане, Алма-Ата, 1961.

¹³ Я. Шарипов, Из истории построения фундамента социализма в Таджикистане, Душанбе, 1960.

¹⁴ А. Турсунбаев, Победа колхозного строя в Казахстане, Алма-Ата, 1957.

водственной базы колхозов Узбекистана»¹⁵, Р. Х. Аминовой «Аграрная политика Советской власти в Узбекистане»¹⁶, А. Ульмасова «Национализация промышленности в Советском Туркестане»¹⁷ и многие другие работы, в которых рассматриваются характер социально-экономических преобразований, закономерности и особенности экономического развития, процесс социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства и многие другие вопросы экономической истории республик Средней Азии и Казахстана.

Среди многочисленных работ, освещающих экономическое развитие республик в отраслевом разрезе, следует отметить книги Д. А. Алышбаева «Вопросы развития и размещения важнейших отраслей промышленности Киргизии»¹⁸, Ю. И. Исхакова «Развитие хлопководства в Узбекистане»¹⁹, Ш. Н. Ульмасбаева «Промышленное развитие Советского Узбекистана»²⁰, С. М. Ходжаева «Транспорт Узбекистана»²¹, Г. Р. Ризаева «Сельское хозяйство Узбекистана за 40 лет»²².

Краткий обзор литературы по экономической истории среднеазиатских республик позволяет заключить, что:

1) за сравнительно небольшой период в республиках Средней Азии подготовлен и опубликован ряд исследований, которые могут быть использованы как ценный материал для экономической истории народов СССР;

2) несмотря на разработанность некоторых проблем экономической истории в виде отдельных монографий и очерков, до сих пор еще не созданы сводные труды по истории народного хозяйства республик Средней Азии, в том числе Узбекистана.

Экономическая история как наука призвана теоретически обобщать опыт хозяйственного строительства, историю формирования и развития народного хозяйства СССР в целом и по отдельным районам. Она не должна быть описательной или только познавательной наукой, а призвана быть действенной, практической наукой, изучать конкретные проявления экономических законов на отдельных этапах коммунистического строительства, вскрывать объективные тенденции развития социалистического народного хозяйства, обобщать положительный хозяйственный опыт прошлого, чтобы использовать его для решения задач дальнейшего мощного подъема экономики нашей страны. Наконец, экономическая история должна изучать и теоретически обобщать экономическую политику Коммунистической партии и Советского государства на отдельных этапах строительства социализма и коммунизма.

Все это предъявляет определенные требования к научно-исследовательской работе по экономической истории республик Средней Азии. Эти требования, на наш взгляд, заключаются в следующем:

1. Процесс исторического развития народного хозяйства необходимо освещать не в историко-описательном изложении фактического мате-

¹⁵ О. Б. Джамалов, Развитие материально-производственной базы колхозов Узбекистана, Ташкент, 1959.

¹⁶ Р. Х. Аминова, Аграрная политика Советской власти в Узбекистане (1917—1920 гг.), Ташкент, 1963.

¹⁷ А. Ульмасов, Национализация промышленности в Советском Туркестане, Ташкент, 1960.

¹⁸ Д. А. Алышбаев, Вопросы развития и размещения важнейших отраслей промышленности Киргизии, Фрунзе, 1960.

¹⁹ Ю. И. Исхаков, Развитие хлопководства в Узбекистане, Ташкент, 1960.

²⁰ Ш. Н. Ульмасбаев, Промышленное развитие Советского Узбекистана, Ташкент, 1959.

²¹ С. М. Ходжаев, Транспорт Узбекистана, Ташкент, 1961.

²² Г. Р. Ризаев, Сельское хозяйство Узбекистана за 40 лет, Ташкент, 1957.

риала в хронологической последовательности, как это делается во многих историко-экономических работах. При таком освещении отбор фактов носит нередко случайный характер, отсутствует объяснение их, что лишает исследователя возможности сделать какие-либо теоретические выводы. Поэтому исследование должно быть активным, подлинно научным, давать причинное изложение фактов, показывая успехи строительства социалистической экономики, осуществления мудрой ленинской политики Коммунистической партии и Советского государства, героической деятельности партии и народа.

2. Как известно, экономические процессы развиваются во времени и пространстве одновременно и взаимосвязанно. Поэтому обязательным условием исследования должно быть изучение процесса развития народного хозяйства не только во времени, но и в пространстве. Отсюда вполне закономерно создание истории народного хозяйства отдельных республик Средней Азии. Но, учитывая значительную однородность экономики среднеазиатских республик и исторически сложившиеся их тесные хозяйственные и культурные связи, экономическую историю каждой республики надо рассматривать в тесной взаимосвязи с экономической историей братских республик Средней Азии.

3. В области экономической истории республик Средней Азии, как и других союзных республик, на фоне общих закономерностей экономического развития всей страны должны быть вскрыты специфические особенности экономического строительства, обусловленные историческим прошлым народов этих республик. Главное внимание при этом следует уделять закономерностям и особенностям перехода народов Средней Азии и Казахстана к социализму, минуя капиталистическую стадию развития.

На ярких убедительных фактах необходимо показать, как Коммунистическая партия и Советское государство на различных этапах социалистического строительства конкретно решали те или иные сложные задачи хозяйственного строительства применительно к историческим и хозяйственно-бытовым условиям народов Средней Азии и Казахстана. Ведь эти народы в прошлом находились на различных ступенях исторического и экономического развития; экономика и бытовой уклад их представляли собой пестроту различных форм и институтов — в одних районах господствовали патриархально-феодалные отношения (Киргизия, Казахстан) и даже пережитки племенного строя (Туркмения), а в других — развитые формы феодальных институтов с элементами капиталистического уклада (Узбекистан).

Коммунистической партии и Советскому государству приходилось творчески решать задачи хозяйственного строительства применительно к условиям этих районов. Так решались, например, задачи социалистической национализации. Если во всей стране декретом II съезда Советов все земли были объявлены государственной собственностью и земельная собственность помещиков и буржуазии была экспроприрована, то в Средней Азии национализация земли решалась поэтапно, и феодальному землепользованию был нанесен удар только в результате земельно-водной реформы, которая завершилась в 1928—1929 гг.

Своеобразием отмечено и осуществление новой экономической политики в Средней Азии, где было сделано больше уступок беднейшему дехканству, ремесленникам и мелким торговцам. В. И. Ленин в письме в Туркбюро ЦК РКП(б) подчеркивал необходимость предоставить «ряд уступок и премии купцам.

В то же время систематическая и максимальная забота о мусульманской бедноте, ее организации и просвещении.

Можно и должно выработать и закрепит (в ряде точнейших директив) такую политику.

Она должна быть образцом для *всего Востока*²³.

Особым, специфическим в экономической политике Советской власти тех лет было также оказание всесторонней, бескорыстной помощи РСФСР в восстановлении и дальнейшем развитии народного хозяйства Туркестанской автономной республики, и в первую очередь хлопководства и ирригации. В тяжелые для страны годы Советское правительство вынесло решение об ассигновании 50 млн. руб. зол. на ирригационное строительство и освоение новых земель в Голодной степи и других районах Узбекистана, перебазировало ряд промышленных предприятий из центра в Туркестан, Бухару и Хиву в целях создания здесь промышленных очагов и кадров местного пролетариата.

Важной особенностью экономической политики Коммунистической партии и Советского государства в республиках Средней Азии была борьба за ликвидацию фактического неравенства ранее отсталых народов, подтягивание их до уровня передовых районов страны, осуществление политики индустриализации форсированными темпами, проведение культурной революции.

Октябрьская революция, впервые в истории ликвидировав в нашей стране социальный, национальный и политический гнет, предоставила всем народам право на свободное развитие, на самоопределение. Эти исторические завоевания Октября должны были быть подкреплены ликвидацией фактического неравенства, которое сложилось как результат господства феодализма и колониальной политики царской России в Узбекистане. Без ликвидации фактического неравенства, т. е. технико-экономической, политической и культурной отсталости народов Средней Азии, немислимо было успешное строительство социализма в этих республиках.

Благодаря последовательному проведению ленинской национальной политики Коммунистической партии и Советского государства республики Средней Азии уже в довоенные годы ликвидировали былую отсталость и сумели догнать передовые промышленные районы центра страны.

Особый интерес для истории представляет осуществление политики индустриализации республик Средней Азии в опережающих темпах; проведение культурной революции; раскрепощение женщин и широкое привлечение их к производительному труду; общественной жизни и управлению государством. Эта специфическая политика, проводимая Коммунистической партией в республиках Советского Востока, обусловила создание национального рабочего класса, инженерно-технической и творческой интеллигенции. Анализ и научное обобщение этих и других процессов некапиталистического пути развития представляет особую задачу исследования в области экономической истории республик Средней Азии.

Весьма специфичной для всех республик Средней Азии является борьба за хлопковую независимость СССР. Народы среднеазиатских республик внесли достойный вклад в решение этой важной общесоюзной задачи.

4. Изучение истории народного хозяйства республик Средней Азии должно иметь комплексное специализированное направление, т. е. наряду с историческим развитием производственной специализации республик следует анализировать и отрасли, удовлетворяющие потребности трудящихся. Причем метод районно-комплексного изучения является одним из основных требований, предъявляемых к историко-экономическим

²³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 35, стр. 442.

работам. Следовательно, в программу исследований должно входить изучение удельного веса в общесоюзном масштабе основных отраслей производственной специализации республики, а также экономических связей района (республики) с другими районами СССР.

5. Народное хозяйство республик Средней Азии, как объект историко-экономического изучения, охватывает все основные стороны, т. е. производство, обмен, распределение и потребление. Производительные силы и производственные отношения в историко-экономическом исследовании, в отличие от гражданской истории, занимают основное место.

В программу изучения экономической истории должно входить исследование населения как основной производительной силы общества, трудовых ресурсов в их историческом развитии, ибо их состояние оказывает влияние (хотя и не решающее) на развитие производства. В связи с этим необходимо исследовать миграцию населения, техническую вооруженность труда и его производительность, повышение материального и культурного уровня трудящихся. Должны быть также изучены орудия производства, техника, являющиеся одним из основных элементов производительных сил общества; развитие техники надлежит изучать с точки зрения влияния ее на состояние народного хозяйства.

Производственные отношения и их характер определяют тип социально-экономической формации, тот или иной классовый состав общества и являются одним из важнейших показателей его экономического состояния. В условиях социализма этот вопрос не снимается, поскольку имеются две формы социалистической собственности и в обществе существуют два дружественных класса — рабочий класс и крестьянство, а также трудовая интеллигенция, вышедшая из народа и тесно связанная с ним.

Следует учитывать также, что в обществе, для которого в прошлом была характерна многоукладность общественного строя, необходима конкретная характеристика роли и значения отдельных укладов в переходный период от капитализма к социализму.

6. Производственный процесс в его конкретном выражении распределяется по отдельным отраслям производства, крупнейшими из которых являются промышленность, сельское хозяйство, транспорт и торговля. Каждая из них, представляя собой совокупность многих отраслей, может быть изучена в результате исторического анализа последних. Изложение истории развития отдельных отраслей должно быть подчинено принципу специализации производства и комплексного развития хозяйства республики с упором на анализ причин развития и размещения, а также степень и характеристику выполнения плана.

Итоговым, обобщающим моментом в оценке развития отраслей народного хозяйства является анализ степени их соответствия действию основного экономического закона социализма, закона пропорционального развития народного хозяйства и других экономических законов, тесным образом связанных между собой.

7. Исторический анализ развития отдельных отраслей производства не дает общей характеристики народного хозяйства республики в целом. Между тем историко-экономическое изучение должно дать ответ на вопрос о развитии народного хозяйства республики в целом. Для этого необходимо принять определенную систему обобщающих показателей.

Мы в своем исследовании, которое подготавливается к печати в виде сводной монографии, предварительно использовали следующую примерную схему обобщающих показателей, подлежащую в дальнейшем уточнению и изучению:

- 1) население в полном рабочем возрасте (тыс. чел.),

- 2) основные фонды народного хозяйства (млн. руб.),
- 3) выработка электроэнергии (млн. квт.),
- 4) средняя энерговооруженность (квт.ч.),
- 5) валовая продукция промышленности (млн. руб.),
- 6) валовая продукция сельского хозяйства (млн. руб.),
- 7) производство валовой продукции на душу населения (руб.),
- 8) организация труда, заработная плата, производительность труда в промышленности, сельском хозяйстве и других отраслях народного хозяйства,
- 9) национальный доход (млн. руб.),
- 10) средний доход одного рабочего (руб.),
- 11) средний доход одного колхозника (руб.),
- 12) экспортно- импортный баланс республики по всему ввозу и вывозу (млн. руб.),
- 13) доля союзной республики в СССР по основным статьям производственной специализации.

8. Формы управления и организации народного хозяйства могут быть и действительно являются неодинаковыми не только в пределах различных социально-экономических укладов, но и в пределах одного уклада. Поэтому в программе по истории народного хозяйства должно быть уделено место и различным формам организации и управления народным хозяйством.

9. Народное хозяйство развивается в пространстве и времени не только количественно, но и качественно. История его развития делится на определенные периоды, качественно отличные от предшествующих периодов. Поэтому вопросы разработки схемы развития народного хозяйства, ее периодизации имеют большое научное значение. Наша кафедра в своих исследованиях попыталась создать такую схему истории народного хозяйства. Эту схему мы хотим проиллюстрировать на примере экономической истории Узбекистана; на наш взгляд, она в целом приемлема для всех республик Средней Азии с учетом их специфических особенностей. Указанная схема в общих чертах представляется нам в следующем виде:

I. Народное хозяйство Узбекистана в период становления и упрочения Советской власти.

1. Народное хозяйство Узбекистана в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции (ноябрь 1917—июль 1918 г.).

2. Народное хозяйство Узбекистана в период иностранной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.).

3. Народное хозяйство Узбекистана в восстановительный период (1921—1925 гг.).

4. Народное хозяйство Хорезмской и Бухарской народных республик (1920—1924 гг.).

II. Народное хозяйство Узбекистана в период создания фундамента социалистической экономики (1926—1932 гг.).

III. Народное хозяйство Узбекистана в период завершения социалистической реконструкции и победы социализма в СССР (1933—1941 гг.).

IV. Народное хозяйство Узбекистана в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.).

V. Народное хозяйство Узбекистана в период послевоенного восстановления и дальнейшего мощного подъема социалистической экономики. Завершение строительства социализма в СССР (1945—1958 гг.).

1. Народное хозяйство Узбекистана в период восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства в послевоенный период (1945—1950).

2. Народное хозяйство Узбекской ССР в период мощного подъема социалистической экономики и завершения социалистического строительства в СССР (1951—1958 гг.).

VI. Народное хозяйство Узбекистана в период развернутого строительства коммунизма (1959—1965 гг.).

В схеме выделяются в самостоятельные главы народные хозяйства Хорезмской и Бухарской республик, как суверенных в тот период (до 1924 г.) государств. Особенность их состояла в том, что они были не социалистическими, а народными советскими республиками. Экономическая история этих своеобразных по своему социальному устройству республик до сего времени остается малоработанной, что было подчеркнуто на Всесоюзном совещании историков в Москве (1962). В материалах совещания отмечалась слабая разработка историками СССР таких тем, которые представляют особый интерес для стран, освободившихся от колониального гнета и идущих по пути к подлинной свободе и процветанию. В качестве примера указывалось на историю Бухарской и Хорезмской народных республик, возникших после Октябрьской революции на месте бывших царских протекторатов — Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Первое время эти республики не входили в состав РСФСР и СССР. Но победившая там народная Советская власть с помощью русского и других народов Советской России осуществила коренную ломку феодально-колониального уклада, провела глубокие демократические реформы, что позволило этим ранее отсталым окраинам царской империи, минуя капиталистическую стадию развития, превратиться в процветающие социалистические республики. Интересный опыт некапиталистического развития этих республик, как подчеркивалось в решениях совещания историков, должен быть показан во всей своей конкретности, чтобы виден был не только конечный результат, но и реальный ход развития этого процесса.

Предлагаемая схема имеет своей целью выделить периоды, соответствующие ходу исторического развития народного хозяйства СССР и принятые в исторической науке.

Некоторые периоды этой схемы носят для Узбекской республики условный характер. Так, восстановительный период датирован 1921—1925 гг., хотя в УзССР он завершился только в 1928 г.; период гражданской войны определен 1918—1921 гг., тогда как борьба с остатками басмачества в Средней Азии продолжалась и позднее (в Восточной Бухаре против Ибрагим-бека, в Туркмении — против Джунаид-хана). Тем не менее мы считаем приемлемой общую схему периодизации народного хозяйства, принятую в экономической литературе, с учетом необходимости отражения в соответствующих главах особенностей периодизации республики.

Таковы, на наш взгляд, основные задачи научно-исследовательской работы в области экономической истории республик Средней Азии. Эти рекомендации не могут быть всеобщими и должны дополняться специфическими задачами научных исследований в каждой республике.

Анализируя историко-экономическую литературу о Средней Азии, следует учесть, что многие монографии были опубликованы в период культа личности, и им, естественно, присущи те пороки, которые резко осуждены партией в борьбе с культом личности и его последствиями. Некоторым работам свойственны методологические пороки, догматизм и эмпиризм в изложении материала.

В настоящее время, когда созданы все условия для творческого анализа основных проблем экономической истории, стало возможным критически пересмотреть ряд устаревших положений и проанализиро-

вать их в соответствии с современными требованиями марксистско-ленинской теории.

Прежде всего отметим, что в историко-экономической литературе часто наблюдается стремление рассматривать многие процессы, характерные для отдельных районов, в рамках общей схемы исторического развития, и тем самым искусственно искажаются действительные факты истории. Так, при исследовании истории индустриализации республик Средней Азии непременно считают, что она здесь, как и в центральных районах страны, началась с тяжелой промышленности, хотя это не соответствует действительности. Почти во всех республиках Средней Азии индустриализация началась именно с легкой промышленности — строительства текстильных, шелкомотальных, кожевенно-обувных и других отраслей легкой промышленности. Отрасли тяжелой промышленности — сельскохозяйственное машиностроение, металлообработка, топливно-энергетическая и другие — развивались здесь гораздо позже: в Узбекистане — в 30-е годы (строительство завода «Ташсельмаш», Чирчикского электрохимического комбината и др.), а в Таджикистане, Киргизии, Туркмении — еще позже.

Конечно, это не является нарушением общих закономерностей социалистической индустриализации. Создание тяжелой промышленности, как общая закономерность социалистической индустриализации, вовсе не исключает развития в первую очередь легкой промышленности в отдельных районах страны при возможности получения ими необходимого оборудования и машин из других районов Союза. При наличии общесоюзного разделения труда условия для всех районов нашей страны не обязательно должны быть одинаковыми и развитие не обязательно должно начинаться повсеместно только с тяжелой промышленности.

Второй пример. Неправильно рассматривается вопрос о темпах и пропорциях между I и II подразделениями общественного производства. Многие считают и пытаются доказать фактами, что во многих районах страны при всех условиях должен быть обеспечен преимущественный рост средств производства по сравнению с производством предметов потребления. Спрашивается, обязательно ли при наличии общественного разделения труда, определенной специализации отдельных экономических районов и развитых межрайонных транспортно-экономических связях между ними преобладание в отраслевой структуре промышленности каждого района тяжелой промышленности.

Нам кажется, что это не обязательно. Ведь отраслевая структура отдельных экономических районов и их производственная специализация определяются задачами и интересами общесоюзного разделения труда, ролью и местом каждого района в этом разделении труда. Она зависит от наличия природных ресурсов и исторически сложившегося производственного опыта населения. Так, в отраслевой структуре промышленности Узбекистана легкая и пищевая промышленность занимает около 70%. Это объясняется тем, что Узбекистан является основной хлопковой базой СССР, и в структуре промышленности республики большой удельный вес занимает хлопкоочистительная промышленность. В 1959—1965 гг. в связи с бурным развитием газовой, химической промышленности и цветной металлургии эта пропорция несколько изменилась, но роль легкой и пищевой промышленности может оставаться значительной и даже преимущественной в условиях общесоюзного разделения труда и производственной специализации отдельных экономических районов. В этих условиях не может быть одинакового соотношения между отраслями промышленности, между нею и сельским хозяйством, не могут быть одинаковыми показатели выпуска промышленной продукции. В частно-

сти, в таких районах, как Средняя Азия и отчасти Казахстан (Южный Казахстан, Целинный край), в отраслевой структуре народного хозяйства, исходя из общественных интересов и народнохозяйственной эффективности, может преобладать производство сельскохозяйственной продукции.

Важно то, что само сельское хозяйство, как ведущий производственный комплекс района, должно быть высокоиндустриальным, и в районе имеется развитый промышленный комплекс, обслуживающий сельскохозяйственное производство. Таким образом, в экономическом районе, где удельный вес сельского хозяйства значителен, показатель валовой продукции промышленности еще не характеризует общий уровень хозяйственного развития района; все большее значение приобретают общие итоговые экономические показатели — национальный доход и общественный продукт в расчете на душу населения.

В свете изложенного должен иначе рассматриваться и вопрос о темпах промышленного производства. В последнее время многие экономисты Узбекистана стали отмечать, что по темпам роста промышленного производства УзССР отстает от среднесоюзного уровня. Если валовая продукция промышленности СССР в настоящее время возросла по сравнению с 1913 г. в 48 раз, то в Узбекистане она увеличилась только в 23 раза.

В чем дело? Имеется ли здесь какая-то закономерность? Некоторые объясняют это отставанием республики, низкими темпами промышленного производства. В действительности же это обусловливается не низкими темпами роста промышленного производства, а высоким уровнем хлопкоочистительной промышленности в отраслевой структуре производства. Исключение продукции этой отрасли из общей валовой продукции промышленности дает иную картину. Рост валовой продукции промышленности Узбекистана без хлопкоочистительной промышленности составит 101 раз, что в два с лишним раза превышает общесоюзный уровень. За последние годы темпы промышленного производства Узбекистана не отстают от среднесоюзных: темпы роста продукции промышленности по СССР — 1,42, по Узбекистану — 1,38, а без хлопкоочистительной промышленности — 1,58. В народнохозяйственном плане на 1964—1965 гг. по союзным республикам Средней Азии намечены повышенные темпы роста промышленности. Если в целом по стране валовая продукция промышленности за этот период возрастет на 17,5%, то в республиках Средней Азии — на 25%.

Быть может, некоторые наши положения покажутся спорными, но сама постановка этого вопроса свидетельствует о тех больших задачах, которые предстоит решить нашим экономистам, чтобы вскрыть объективные закономерности экономического развития республики.

Х. А. РАХМАНКУЛОВ

О РОЛИ СОВЕТСКОГО ПРАВА В СБЛИЖЕНИИ ДВУХ ФОРМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Исследование проблем правового регулирования экономических отношений в социалистическом обществе представляет собой одну из важнейших задач советской науки права в период развернутого строительства коммунизма.

Об особом внимании партии к научным исследованиям в области государства и права свидетельствует Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране» (1964). Как отмечается в постановлении, перед юридической наукой стоят ответственные задачи по разработке научных основ государственного управления и правового регулирования общественных отношений, исследованию закономерностей развития общенародного государства и права, укреплению законности и правопорядка. Исключительно важным является исследование перспектив развития права социалистической собственности, особенностей ее различных форм и их соотношения в связи с постепенным сближением двух форм социалистической собственности в единую общенародную собственность.

Проблема собственности занимает одно из центральных мест в произведениях классиков марксизма-ленинизма, как «основной вопрос движения»¹, основание классовой борьбы² и социальной структуры общества³.

Как известно, основу экономических отношений в СССР составляет социалистическая собственность на орудия и средства производства, которая имеет следующие формы: государственная (всенародная) собственность; кооперативно-колхозная собственность (собственность колхозов, кооперативных организаций, их объединений) и собственность профсоюзных и иных общественных организаций⁴.

Наличие двух (государственной и колхозно-кооперативной) форм социалистической собственности есть, в свою очередь, экономическая

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, М., Госполитиздат, 1948, стр. 39.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 4, стр. 302.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 24, стр. 44.

⁴ В Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 20 и 24), принятых на сессии Верховного Совета СССР 8 декабря 1962 г., и в новом Гражданском кодексе УзССР (ст. 106 и 115) собственность профсоюзных и иных общественных организаций выделена в качестве одной из форм социалистической собственности, наряду с государственной и колхозно-кооперативной собственностью. В нашем социалистическом государстве происходит перерастание всех форм социалистической собственности в единую общенародную собственность. В рамках данной статьи мы коснемся лишь вопроса о сближении двух форм (государственной и колхозно-кооперативной) собственности, как материальной основы существования двух дружественных классов советского общества — рабочих и крестьян.

основа существования двух дружественных классов в нашей стране. Построение коммунизма означает, прежде всего, слияние этих форм социалистической собственности в единую коммунистическую собственность и стирание на этой основе различий между классами. Коммунизм, говорится в Программе КПСС, это бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества. Это означает, что социалистическая собственность на средства производства в двух ее формах, юридически закрепленная за обществом в лице государства и колхозно-кооперативных организаций, перерастет в коммунистическую собственность. Коммунистическая собственность — единая, общенародная, бесклассовая по своему характеру — сохранит только экономическую сущность собственности и будет свободна от правовой регламентации, т. е. будет отсутствовать собственность в правовом понимании, и все это явится предпосылкой осуществления коммунистического принципа «от каждого по способностям, каждому по потребности».

К. Маркс рассматривает собственность как юридическое выражение производственных отношений: «На известных ступенях своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или, что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались»⁵.

Однако сама собственность, будучи юридическим выражением производственных отношений в целом, проявляется непосредственно в присвоении средств производства. Это присвоение по своей природе в разных общественных формациях носит различный характер.

Присвоение как форма проявления собственности является отправным пунктом и основой для построения юридического понятия права собственности⁶. Само присвоение в зависимости от того, кому в данном обществе принадлежат средства производства, имеет различный классовый характер⁷. При капиталистическом строе присвоение носит частный характер; при этом, наряду с предметами природы, частный владелец средств производства присваивает и труд непосредственного производителя материальных благ. Для социалистического общества характерно общественное присвоение продуктов производства. В процессе производства труженики социалистического общества присваивают средства и продукты производства как члены единого всенародного коллектива или как члены кооперативно-колхозной организации, что определяет собой существование двух форм социалистической собственности — государственной и кооперативно-колхозной.

Следовательно, ликвидация различий в характерах присвоения средств и продуктов производства в социалистическом обществе является предпосылкой перехода к единой коммунистической форме собственности.

Сближение двух форм социалистической собственности и слияние их в единую коммунистическую собственность — это исключительно сложный процесс. Социалистические формы собственности изменяются не произвольно, не путем механического принятия юридической нормы, а развиваются на основе объективных законов экономики, зависят от характера и уровня развития производительных сил. Юридические нор-

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 13, стр. 7.

⁶ А. В. Венедиктов, Государственная социалистическая собственность, М.—Л., 1948, стр. 28.

⁷ Ю. К. Толстой, Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР, Изд-во ЛГУ, 1955, стр. 9.

мы должны закреплять и охранять экономические формы социалистической собственности, способствовать развитию последних путем активного воздействия на все общественные отношения, которые непосредственно или косвенно направлены на сближение всех форм собственности. «В праве собственности, — как справедливо отмечает А. В. Венедиктов, — получает правовое выражение и закрепление вся сумма общественных отношений собственника по поводу принадлежащих ему средств производства — отношений не только с непосредственными производителями, но и с другими собственниками и с самим государством, какова бы не была его классовая природа»⁸.

Юридические нормы собственности должны соответствовать требованиям экономики, способствовать ее развитию. Это не значит, что правовые категории должны отождествляться или сливаться с экономическими категориями, что право должно ограничиваться только закреплением результатов экономики. На первое место следует ставить активную роль права, подходить к нему как к относительно самостоятельной категории. К. Маркс указывал: «... Правовое представление, свойственное определенным отношениям собственности, хотя и вырастает из них, с другой стороны, все же не совпадает и не может совпадать с ними»⁹.

Социалистической собственности в двух ее формах соответствуют право государственной и право кооперативно-колхозной собственности. Развитие, сближение и слияние этих двух форм социалистической собственности во многом зависит, наряду с экономическими условиями, от активной роли правовых норм собственности, которая успешно проявляется лишь через определенный процесс качественного развития самих норм права, перерастания норм права, регулирующих и охраняющих социалистическую собственность, в неправовые нормы поведения, постепенное приближение советского права к системе норм коммунистического общежития. Исследование конкретных форм и способов перехода права социалистической собственности к коммунистической собственности является важнейшей задачей советской науки права.

Сближение двух форм социалистической собственности произойдет прежде всего за счет развития экономики колхозов. Дальнейший экономический расцвет колхозного строя создает условия для постепенного сближения, а в перспективе — и слияния колхозной собственности с общенародной в единую коммунистическую собственность. В этих целях необходимо всемерно развивать межколхозные производственные связи, различные формы сотрудничества между колхозами, между ними и государственными организациями; расширять неделимые фонды колхозов; активно содействовать превращению сельскохозяйственного труда в разновидность труда индустриального.

Проблема развития социалистической собственности и ее перерастания в коммунистическую собственность не сводится к поднятию только колхозно-кооперативной собственности до уровня общенародной. Это перерастание произойдет также и через развитие государственной собственности.

Перерастание государственной социалистической собственности в коммунистическую связано с важными количественными и качественными изменениями. По мере продвижения нашего общества к коммунизму будет все более повышаться ведущая роль социалистической государственной собственности. Это проявляется в повышении уровня обобществления производства в государственном секторе, возрастании удель-

⁸ А. В. Венедиктов, указ. соч., стр. 35.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 30, стр. 504.

ного веса продукции государственных организаций как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Количественные изменения государственной собственности и изменения в порядке управления ею (изменение порядка руководства и планирования народного хозяйства; повышение роли Советов, профсоюзных и других массовых общественных организаций в руководстве хозяйством и культурным строительством; привлечение всех трудящихся к управлению производством и т. д.)¹⁰ послужат основой дальнейшего качественного совершенствования общенародной социалистической собственности, что прежде всего отразится в принципе распределения общественных доходов между гражданами.

Сближение и слияние двух форм социалистической собственности происходит путем не только стирания различий, но и развития однотипных черт, присущих как экономической природе, так и способу правового регулирования форм собственности, что достигается прежде всего развитием экономических отношений и совершенствованием соответствующих им правовых норм собственности.

Однотипность черт двух форм социалистической собственности, являющаяся важнейшей предпосылкой их сближения, заключается в том, что их материальную основу составляет обобществление орудий и средств производства; они родственны по своей социальной природе, по способу образования; развиваются на основе единого государственного плана; служат интересам всего советского народа; распределение продуктов в пределах обеих форм собственности производится в интересах самих трудящихся по принципу «каждому по труду», и по способам и степени правовой охраны они приравнены друг к другу.

Сближение колхозно-кооперативной собственности с государственной и слияние их в коммунистическую собственность имеют свои особенности, без учета которых невозможно добиться желаемого результата. Коммунистическая партия в своей деятельности по руководству страной, строго руководствуясь учением марксизма-ленинизма, осуществляет те или иные организационно-хозяйственные мероприятия с учетом того, насколько созрели реальные экономические предпосылки для возникновения новых общественных отношений. В частности, решая вопрос о дальнейшем сближении двух форм социалистической собственности, партия определяет, какой процесс развития должна пройти колхозная собственность, каковы тенденции движения колхозно-кооперативной собственности в этом процессе. Главные направления этого процесса намечены в Программе партии, принятой XXII съездом КПСС.

Поскольку колхозно-кооперативная собственность является одной из форм социалистической собственности, для сближения ее с общенародной собственностью нет необходимости идти по пути ее свертывания. Коммунистическая партия учит, что исторически неизбежное слияние колхозно-кооперативной и государственной форм собственности произойдет в будущем не в результате свертывания колхозно-кооперативной собственности, а путем повышения уровня ее обобществления при помощи и поддержке со стороны социалистического государства. В Программе КПСС подчеркивается, что колхоз — это школа коммунизма для крестьянства, неотъемлемая часть советского социалистического общества¹¹.

Главный путь развития колхозной собственности, общего подъема всех отраслей сельского хозяйства и удовлетворения растущих потреб-

¹⁰ О. С. Иоффе, Ю. К. Толстой, Основы советского гражданского законодательства, Изд-во ЛГУ, 1962, стр. 60, 61.

¹¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., Госполитиздат, 1962, стр. 76—77.

ностей страны в сельскохозяйственной продукции — это путь всесторонней механизации и последовательной интенсификации сельскохозяйственного производства; достижение на основе науки и передового опыта во всех колхозах и совхозах высокой культуры земледелия и животноводства, резкое увеличение выхода продукции с каждого гектара при наименьших затратах труда и средств.

Коммунистическая партия мобилизует, организует и направляет усилия советского народа на дальнейшее развитие экономики и культуры страны. Мобилизация воли людей находит выражение в принимаемых партией и правительством важнейших решениях, директивах, постановлениях и других законодательных актах, которые по своему характеру направлены на развитие экономики непосредственно или путем создания соответствующих форм и системы управления, организации производственных отношений, системы регулирования хозяйственных отношений, способов защиты имущественных интересов организаций, предприятий и граждан. Подобные законодательные нормы во многих случаях нацелены на то, чтобы способствовать сближению двух форм социалистической собственности и слиянию их в единую коммунистическую собственность. Особое значение за последнее время приобретают такие акты, которые в одинаковой степени регулируют или охраняют отношения в области обеих форм собственности. Например, учреждена единая система управления сельскохозяйственным производством и в колхозах и совхозах; применяется одинаковая правовая форма (договор поставки) для материально-технического снабжения и промышленных предприятий и сельскохозяйственного производства; существует одинаковая форма (договор контрактации) для заготовки сельхозпродуктов как у колхозов, так и у совхозов.

Обе формы социалистической собственности приравнены друг к другу по методу и степени уголовно-правовой и гражданско-правовой защиты. Например, по новому Гражданскому кодексу УзССР защита имущества колхозов и других кооперативных организаций приравнена к защите государственного имущества. Теперь колхозы и другие кооперативные и общественные организации также могут истребовать неправомерно отчужденное у них имущество из владения любого, а значит и добросовестного, приобретателя, тогда как раньше правом отчуждения имущества от добросовестного владельца пользовались только государственные организации. В новом Уголовном кодексе УзССР предусматриваются одинаковые меры пресечения за хищение и государственной и колхозно-кооперативной собственности и т. д.

Наличие двух форм социалистической собственности обуславливает различные методы оплаты труда. В государственных организациях рабочих получает гарантированную заработную плату, а в колхозах оплата за труд производится по трудодням. Размер оплаты за труд колхозника больше зависит от уровня производительности труда, развитости и доходности общественного хозяйства данного колхоза. Теперь же, по мере дальнейшего укрепления и развития колхозной собственности, многие колхозы переходят к гарантированному методу оплаты труда.

В области распределения доходов важное место занимает обеспечение советских граждан по старости и инвалидности, определение пособий женщинам по беременности и родам, по временной нетрудоспособности. В решении этого вопроса за последнее время сделан огромный шаг. 15 июля 1964 г. Верховный Совет СССР принял Закон «О пенсиях и пособиях членов колхозов». Теперь колхозники в вопросах пенсионного обеспечения и получения пособий получили такие же права, как и рабочие. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от

20 июля 1964 г. установлены пенсии для председателей сельхозартелей, специалистов и механизаторов колхозов, пенсии по старости и по инвалидности, а членам их семей — пенсии по случаю потери кормильца — по нормам и в порядке, предусмотренном для рабочих и служащих и членов их семей Положением о порядке назначения и выплаты государственных пенсий¹².

Таким образом, вся система советского права, отражающая экономическую политику Советского государства, активно воздействует на экономические отношения и обеспечивает успешное развитие двух форм социалистической собственности и слияние их в единую коммунистическую собственность, как необходимейшее условие и важнейшую предпосылку победы коммунизма в нашей стране.

Х. А. Раҳмонқулов

**СОЦИАЛИСТИК МУЛКЧИЛИКНИНГ ИККИ ФОРМАСИНИНГ
ЯҚИНЛАШУВИДА СОВЕТ ҲУҚУҚИНИНГ РОЛИ ҲАҚИДА**

Мақолада коммунизм қурилиши кенг авж олдирилган даврда совет ҳуқуқ нормаларининг социалистик мулк икки формасини (умум-халқ ва колхоз-кооператив) яқинлашувига актив таъсири кўриб чиқилган.

¹² СП СССР, 1964, № 13, ст. 89.

В. А. АБДУЛЛАЕВ

АБДУРРАХМАН ДЖАМИ В САМАРКАНДЕ

Один из древнейших городов мира — Самарканд издавна известен как крупный экономический и культурный центр Средней Азии, город замечательных памятников архитектуры, город, в котором жили и творили многие выдающиеся деятели науки, литературы и искусства.

В учебных заведениях Самарканда учились великий астроном средневековья султан Мухаммад Тарагай — Улугбек, известный историк Абдурраззак Самарканди, выдающийся поэт Абу Абдулла Рудаки, прозаик Захири Самарканди, прославленные ученые Низами Арузия Самарканди, Мотуруди, Абуллайс Самарканди, его правнук Фазлулла Абуллайс Самарканди и другие. Многие видные ученые и поэты сопредельных Мавраннахру стран стремились попасть в Самарканд, пребывание в котором нередко служило для них живительным источником вдохновения. Так, знаменитый философ, математик и поэт Омар Хайям написал свой алгебраический трактат «Алджабр ва-л-мукобала» в Самарканде. Во введении к трактату он пишет, что «благодаря моему приближению к его высокой резиденции [т. е. резиденции главного судьи Самарканда XI в. Абу Тахира Абдуррахмана ибн Алака (1039—1091). — В. А.] я почувствовал себя обязанным восполнить то, что я потерял из-за превратностей судьбы, и кратко изложить то, что я изучил до мозга костей из философских вопросов. И я начал с перечисления этих видов алгебраических предложений¹.

Поэт Фаррухи (XI в.) посвятил Самарканду восторженное стихотворение, в котором передал свои впечатления о пребывании в этом замечательном городе. Вот матлаъ — начальное двустишие этого произведения:

«Ҳама наими Самарқанд сар ба сар дидам
Назора кардаму дар боғу роғу водию дашт...»

(«Я видел все достопримечательности города Самарканда — смотрел его сады, долины и загородные места»).

В Самарканде побывали и знаменитый поэт Мушрифиддин Саади, и известные ученые Саид Шариф Джурджани, Аллома Саъдуддин Тафтазони (XIV в.) и многие другие.

В XV в., в период правления Тимуридов, Самарканд был столицей огромной империи, важнейшим политическим и культурным центром Средней Азии.

Во времена Улугбека (1409—1449) в Самарканде жили и трудились такие выдающиеся ученые, как Казизода Руми, Гиясиддин Джамшед, Мавлоно Муин Коши, Али Кушчи, Мансур Коши ибн Муиниддин Коши, Али ибн Мухаммед Бирджанди, поэты Мавлоно Хаёли, Мавлоно Саккоки, Мавлоно Бисати, Мавлоно Бадахши, медики Кутбиддин Санафи и Мав-

¹ Омар Хайям, Трактаты, М., Издательство восточной литературы, 1961, стр. 70.

лоно Нафис, каллиграфы Абдурахман Хорезми, его сыновья Абдурахим и Абдулкарим и многие другие.

В учебных заведениях Самарканда, особенно в медресе Улугбека, читались лекции не только по религиозным дисциплинам, но и по светским, естественным и точным наукам. Их читали ведущие ученые, сотрудники астрономической обсерватории Улугбека — Казизода Руми, Муиниддин Коши, мударрис Мухаммад Олим. Поэтому многие «толиби илмы» — студенты — приезжали в Самарканд послушать лекции знаменитых ученых, пополнить запас знаний, расширить свой кругозор. Одним из таких пытливых юношей был молодой гератец Абдурахман Джами.

Выдающийся классик таджикско-персидской литературы, философ, филолог, музыковед Абдурахман Нуриддин бин Ахмад Джами (1414—1492) за свою долгую жизнь побывал во многих городах Востока, в том числе несколько раз — в Самарканде.

Впервые он прибыл в Самарканд, когда еще были живы и вели свою плодотворную научную деятельность Улугбек и Казизода Руми.

Этот факт посещения Джами Самарканда в первой половине XV в. подтверждается сведениями ряда исторических источников, а также его биографами — Абдулгафуром Лори и Абдулвосеъ Низами. Например, автор «Рашахота» пишет, что Джами прибыл на учебу в Самарканд в период правления Улугбека и слушал там лекции знаменитого ученого Казизода Руми. Младший современник Джами, сын известного Хусейн Вонза Кошифи, Алу Сафи в своей книге «Латоиф и Зароиф» отмечает, что «дар замони Улугбек эшон чанд гоҳ дар Самарқанд буданд», т. е. в период правления Улугбека Джами некоторое время находился в Самарканде.

Биограф Абдурахмана Джами Абдулвосеъ Низами в своем сочинении «Мақомоти мавлоно Чомй» также подтверждает этот факт, ссылаясь на сведения самого поэта.

Известно, что Джами вначале учился в Герате, в частности у известного самаркандского ученого мударриса Ходжа Али. Однако знания, полученные им в гератских медресе, не удовлетворяли его. Молодой ученый настойчиво стремился к овладению знаниями и все свое время отдавал науке. Об этом ярко свидетельствуют следующие строки из поэмы «Бахрам и Бехруз» ученика Джами Камалиддина Бинон:

«Чомй он офтоби ӯрунӣ,
Он мунаввар ба нури субҳонӣ.
Қадри авқоти хеш чун даръефт
Ба суй ҳифзи ақди вақт шинофт
Қимати умрро шикаст надод,
Як нафасро дигар зи даст надод.
Лочарам илми олию ҳоли
Қард ҳосил ба ҳиммати олий»

(Выдающийся ученый Джами всегда ценил свое время и стремился воспользоваться им. Он свою жизнь никогда не тратил по-пусту. В результате он добился больших успехов во всех видах науки).

Сам Джами в одной из газелей писал:

«Чомй, ка ба таҳсили фунун умр ба сар бурд,
Бе ҳошиян шавқи ту нағзошт китобез».

(«Джами всю свою жизнь посвятил изучению наук, поэтому он никогда не отрывался от книги»).

Стремясь расширить круг своих знаний, молодой Абдурахман Джами (ему было тогда около 20 лет) вместе с некоторыми другими молодыми «толиби илмами» и поэтами Хорасана («бо чамъе аз зурафо ва шуарои Хуросон») прибыл в Самарканд, где он учился в медресе Улугбека. Здесь, наряду с богословскими науками, он изучал астрономию, математику

ку, медицину, арабскую грамматику, слушал лекции знаменитых ученых — учителя Улугбека Салахиддина Муса Казизода Руми, соратников Улугбека Гиясиддина Джамшеда, Мухаммеда Олима Самарканди, Фазлулла Абуллайси, а быть может, и самого Улугбека.

Наряду с занятиями в медресе, Джами уделял много внимания самостоятельной работе над книгами, поддерживал тесные связи с учеными и поэтами Самарканда, а в свободное время знакомился с достопримечательностями города, его замечательными архитектурными памятниками.

К сожалению, нам пока неизвестно, сколько времени пробыл Джами в Самарканде в качестве «толиби илма». Мы не располагаем также сведениями о том, какие произведения были им написаны в Самарканде в этот период. Известно, что свой первый научный труд он написал в начале 50-х годов XV в. Однако не исключено, что Джами и до этого сочинял стихотворения — газели. В произведении Алишера Навои «Хамсатул мутайбирин», посвященном А. Джами, мы находим такие строки: «Агарчи бир неча вақт биззарурат улум касбиға иштиғол кўргузубдурлар, аммо ҳеч вақт назм ойнаидин ҳоли эмас эркандурлар». (Хотя некоторое время он занимался изучением наук, однако он никогда не открывался от написания стихов).

Поэтому можно полагать, что Джами во время первого своего пребывания в Самарканде слагал стихи, которые он читал в кругу друзей, местных поэтов. Упоминание в некоторых газелях Джами имен самаркандских поэтов первой половины XV в. служит, на наш взгляд, свидетельством того, что они были написаны именно в тот период. Например, в диване Джами встречаются такие стихи:

«Дар либоси некувон то чилва кардӣ, эй парӣ,
Маҳ дигар нанмуд рух з-ин пардан нилуфарӣ.
Бо либоси осмонӣ хар кӣ дид, эй маҳ, туро,
Шуд бар ў чун рӯз равшан, к-офтоби дигарӣ.
Шохи шамшодӣ, ки печидаст нилуфар бар он,
Сарви озодӣ, ки дорӣ рух чу гулбарги таре.
Расми даврон аст нилуфар ба зери об, лек
Акси ин кард он тани нозук, зиҳӣ санъатгарӣ!
Барги гул дар ғунча нозук бошад, аммо дар қабо,
Эй гули хандон, ту бисъёро аз ў нозуктарӣ.
Чанд истиғно, чӣ кам гардад зи чоҳу ҳашматат,
Гар ба чашми марҳамат сӯн ғарибон бингарӣ?
Қадри ҳуснат Чомини соҳибназар донисту бас,
Қиммати чавҳар касе нашнохт, илло чавҳарӣ».

(А. Ч о м и, Осори мунтахаб, ч. II, § 315, газ. 311).

Что примечательного в этой газели? Во-первых, ее рифмовка и содержание напоминают газель известного поэта Хусрава Дехлави:

«Эй чехраи зебон ту, рашки бутони озарӣ,
Ҳар чанд васфат мекунам, лекин аз он болотарӣ»,

и др.

Во-вторых, мактаъ — последнее двустипшие газели — привлекает наше внимание тем, что в конце второго стиха имеется слово «Чавҳарӣ». В мактаъ газели говорится: «Эй, лунолика, лишь Джами узнал прелесть твоей красоты. Ибо только ювелир знает цену настоящей драгоценности». Это, как нам кажется, внешний, прямой смысл двустипшия. Вместе с тем здесь можно предположить игру слов: слово чавҳарӣ (ювелир) может означать также имя собственное. В этом случае стих будет звучать так: «Только Джавҳарӣ знает цену настоящей драгоценности».

Кто же такой этот Джавхари, о котором упоминает Джами? Во втором разделе «Маджолис-ун нафос» Алишера Навои мы находим следующие строки:

«Мавлоно Жавхарий ҳам Самарқандлиғдур. Собунхона мушрифиди эрди, ҳам собунхона эшигида кўчанинг ўртасида ўзи учун хужрагина ясаб эрди. Аруз билур эрди. Ва сиярун наби назм қилиб эрди. Бу байт андиндурким:

Фалак баски дар мавкабаш тохта
Ба ҳар моҳ наъле бияндохта

Қабри Самарқанддадур».

(Мавлоно Жавхари был самаркандцем. Он был управляющим мыловарни и построил себе хижину рядом с мыловарней прямо на дороге. Он знал аруз и написал поэтическое произведение «Сиярун наби». Этот байт принадлежит ему: «В связи с тем, что небосвод со своим эскортом мчится, каждый месяц обновляет подкову». Он погребен в Самарканде).

Таким образом, выясняется, что Жавхари был самаркандским поэтом первой половины XV в., занимался мыловарением, знал поэтику и писал стихи. Как видно, Джамии в своей газели с уважением относится к нему, называя его ювелиром — знатоком стихосложения.

Следовательно, будучи в Самарканде, Джамии не только занимался в медресе, но и одновременно учился у видных поэтов и знатоков теории стихосложения, одним из которых был Жавхари. Иначе говоря, пребывание в Самарканде оказало большое влияние на рост поэтического мастерства молодого Джамии, как это было, например, с великим узбекским поэтом и мыслителем Алишером Навои. Из Самарканда в Герат Абдурахман Джамии вернулся уже зрелым ученым и поэтом.

Вторично Абдурахман Джамии прибыл в Самарканд, когда ему было за 50 лет. На этот раз он был специально приглашен для чтения лекций в медресе Улугбека.

Известно, что во второй половине XV в., после предательского убийства Улугбека, в Самарканде усиливается влияние реакционного мусульманского духовенства во главе с Насириддином Убайдулла-Ходжа Ахромом (1403/4—1490/1). Но несмотря на разгул феодально-клерикальной реакции, культурная и научная жизнь в Самарканде не прекратилась. В этот период там жили и работали такие видные ученые и поэты, как Фазлулла Абуллайси, Мухаммад Олим, Алои Шоши, Джамалиддин Лутфулла, Кутбиддин Санафи, Фозили Самарканди, Мавлоно Джамалиддин Бухари, Мавлоно Шамсиддин Мухаммад Бухари, Халилулла Самарканди, Мавлоно Рнэзи, Мавлоно Мирза Алибек, Мавлоно Юсуф Баден, Ахмад Хаджибек Вафои и многие другие.

В те годы наибольшей известностью в Самарканде пользовались медресе Бибиханум, Ахмада Хаджибека, Мухаммеда Султана, Фазлулла Абуллайси и, конечно, медресе Улугбека, среди муддарисов которого были Ходжа Хисрав, Ходжа Хурд, Алои Шоши. В качестве преподавателя в медресе был приглашен и Абдурахман Джамии.

К тому времени Джамии стал уже известным ученым, автором научных трудов по теории стихосложения, искусным поэтом и незаурядным педагогом. Как отмечает Алишер Навои в своей книге «Хамсатул мутаййирин», Абдурахман Джамии после возвращения из Самарканда приобрел в Герате большую популярность. Именно поэтому он был приглашен для чтения лекций в медресе Улугбека. Известно, что в одной из худжр медресе имелась следующая надпись: «Ии мақом аст, ки манзилғаҳи Чомӣ» — «эта худжра была местом пребывания Джамии». Надпись представляет, по-видимому, одну строку из рубаи или китба, где шла речь о Джамии. Надпись такого же содержания обнаружена под штукатуркой на стене коридора в северо-западной части медресе.

Рядом с этой строкой имеются другие стихотворные строки, тоже на-

писанные каллиграфическим почерком в стиле XV в. В одном из стихотворений, под которым стоит подпись некоего Ермухаммада, говорится:

«Маноз, эй бути Чин, ки Чин ҳам намонад
Мадори ин чаҳони чин ҳам намонад (?)
Шутурбони сахронини гар бимирад,
Шаҳаншоҳи маснан ишин ҳам намонад».

Эти стихи имеют какую-то внутреннюю связь с приведенной выше строкой.

Таким образом, пребывание Джамии в Самарканде в 60-х годах XV в. является неоспоримым фактом. Напомним, что в те же годы в Самарканде жил и Алишер Навои, которому было тогда 24—28 лет.

Будучи в Самарканде, Джамии установил тесные связи с местными учеными, мударрисами медресе Улугбека — Ходжа Хурдом, Ходжа Хисравом, Алои Шоши и выдающимся ученым того времени, учеником знаменитого теоретика литературы, философа и астронома Сайид Шарифа Джурджаши, правнуком Абуллайса Самарканди Фазлулла Абуллайси и др. Вместе с тем он познакомился и с Ходжой Ахраром — известным главой ордена накшбанди в Мавераннахре и Хорасане, по приглашению которого Джамии в начале 1479 г. в третий раз на короткое время посетил Самарканд.

Интересно отметить, что пребывание Абдурахмана Джамии в Самарканде нашло свое отражение в фантастической новелле «Мавлоно Джамии и Мирза Хамдам». В этом сочинении анонимного автора содержится ряд исторически достоверных фактов. Тем не менее сама попытка создать художественный образ Джамии и запечатлеть его пребывание в Самарканде свидетельствует о большом уважении к этому выдающемуся ученому и поэту².

Надо сказать, что Абдурахман Джамии был не только в Самарканде, он посетил и многие другие города Средней Азии — Карши, Фароб, Ташкент и т. д. О пребывании в Ташкенте он подробно рассказывает в своем сочинении «Нафахатул унс».

Неоднократные поездки в Среднюю Азию, в частности в Самарканд, несомненно сыгравшие большую роль в творческой биографии поэта и ученого, заслуживают глубокого научного освещения.

Большого внимания требует также изучение творческих связей двух великих поэтов-мыслителей — Абдурахмана Джамии и Алишера Навои, дружба которых, зародившаяся в Самарканде, символизирует братскую дружбу двух древних народов Востока — узбекского и таджикского.

В. А. Абдуллаев

АБДУРАҲМОН ЖОМИЙ САМАРҚАНДДА

Ушбу мақола тожик-форс адабиётининг буюк классиги, философ, филолог, музикашуноси Абдураҳмон Нуриддин бинни Аҳмад Жомий (1414—1492) туғилган кунининг 550 йиллигига бағишланади. Автор Жомийнинг Самарқандда яшаганлиги ҳақида қизиқарли маълумотлар келтириш билан унинг бу ерда бўлиши Шарқнинг буюк мутафаккир шоири ижодий биографиясига катта таъсир қилганини таъкидлаб ўтади.

² Эта новелла в 1915 г. была переведена на узбекский язык Сираджиддин Махдумом Сидки под названием «Сипари ғам таржимаи Мирзо Хамдам» и издана в Ташкенте (1916).

Д. С. НАСЫРОВ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАЗВИТИЯ КАРАКАЛПАКСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Одним из замечательных достижений культурного строительства в Советской Каракалпакии является создание национальной письменности, каракалпакского литературного языка и его дальнейшее развитие в семье других литературных языков народов СССР.

Большие успехи достигнуты и в развитии каракалпакского языкознания. Как известно, в дореволюционный период в трудах отдельных тюркологов (В. В. Радлова, И. Н. Березина, Н. Ф. Катанова, Г. Вамбери и др.) встречались лишь упоминания о существовании каракалпакского языка или наречия и приводились некоторые отрывочные сведения о нем.

В начале XX в. сбором, публикацией и переводами каракалпакских текстов занимались известный этнограф и фольклорист А. А. Диваев и востоковед И. А. Беляев. Однако эти ученые не оставили каких-либо научных исследований по каракалпакскому языку.

Каракалпакский язык стал предметом специального научного исследования только в советское время. Первый период развития каракалпакского языкознания после Октябрьской революции характеризуется разработкой некоторых актуальных вопросов каракалпакского языка, связанных с созданием алфавита, орфографии, терминологии, учебных пособий по грамматике и правописанию.

В 1924 г. на основе реформированного арабского алфавита была введена письменность, а уже в 1925 г. на каракалпакском языке издаются первые учебные пособия (Әлиппе, Ташкент, 1925; С. М а д ж и т о в, Егеделер сауаты, Ташкент, 1925).

Особо важное значение в этот период приобретает всестороннее изучение разговорного языка каракалпаков в целях создания литературного каракалпакского языка.

С 1930 г. начинается специальное изучение и сбор материалов по лексике, фонетико-грамматической структуре, диалектологии каракалпакского языка. Итогом этих исследований явились труды С. Е. Малова «Каракалпакский язык и его изучение» (Сборник «Каракалпакия», т. II, Л., 1934), Н. А. Баскакова «Краткая грамматика каракалпакского языка» (Турткуль, 1932), Е. Д. Поливанова «Некоторые фонетические особенности каракалпакского языка» (Ташкент, 1933), положившие начало научной разработке вопросов каракалпакского языка на основе непосредственного наблюдения живой речи.

В течение 1928—1930 гг. каракалпакская письменность была полностью переведена на новый латинизированный алфавит. В истории развития каракалпакского языкознания 30-е годы характеризуются в основном сбором новых материалов по каракалпакскому языку, составлением учебных пособий для школ республики, совершенствованием алфавита и

орфографии, разработкой научной терминологии по некоторым областям естественных и общественных наук.

Однако латинский алфавит вскоре перестал отвечать требованиям быстро развивающегося каракалпакского языка. В связи с этим, учитывая пожелания трудящихся масс Каракалпакии, был поставлен вопрос о переводе каракалпакской письменности на алфавит, построенный на основе русской графики.

Создание нового алфавита явилось важным событием в общественной и культурной жизни каракалпакского народа, новым этапом в истории развития каракалпакского литературного языка. Это позволило создать новую систему письма, отвечающую специфическим особенностям современного каракалпакского языка, и урегулировать вопросы единой каракалпакской орфографии. Теперь было обеспечено правильное написание слов, вошедших в лексику каракалпакского языка из русского языка и интернациональной лексики, связанной с развитием социалистической промышленности, науки и техники.

Перевод каракалпакской письменности на русскую графическую основу обеспечил успешную организацию педагогического процесса в школах Каракалпакии, облегчил изучение великого русского языка, являющегося неисчерпаемым источником обогащения национальных языков, усилил культурные связи и сближение каракалпакского народа с другими народами нашей Родины.

К концу довоенного периода (1940—1941 гг.), на наш взгляд, окончательно установились также фонетико-грамматические, лексические, орфографические и орфоэпические нормы устного и письменного каракалпакского литературного языка, созданного на базе концентрации признаков северного диалекта, являющегося разговорным языком населения Чимбайского (с бывшими Тахтакупырским, Караузьякским районами), Кегейлинского (с бывшим Куйбышевским районом), Муйнакского, Кунградского, Ходжейлинского районов КК АССР.

Таким образом, период формирования и становления каракалпакского литературного языка в основном совпадает с формированием каракалпакской социалистической нации.

В годы Великой Отечественной войны темпы изучения каракалпакского языка несколько замедлились, однако исследовательские работы в этой области полностью не прекратились.

Одним из важнейших мероприятий послевоенного периода в разработке вопросов каракалпакского языка была выездная сессия АН УзССР, проведенная в 1945 г. в Нукусе. Эта сессия подвела итоги изучения каракалпакского языка за последние годы и наметила пути дальнейшего развития каракалпакского литературного языка.

В 50-х годах проводится планомерное и углубленное изучение вопросов каракалпакского языка во всех его аспектах. Постепенно складываются отдельные разделы каракалпакского языкознания — история письменности, лексикология, фонетика, грамматика, диалектология и история языка. В разработку этих разделов вместе со старшим поколением ученых включаются молодые лингвисты автономной республики.

В соответствии с решениями научной конференции по вопросам каракалпакского языкознания и литературоведения (сентябрь 1954 г.) были произведены некоторые незначительные изменения в системе каракалпакской письменности и принят новый вариант алфавита и орфографии каракалпакского языка, утвержденный Правительством КК АССР в 1957 г.

За последние годы на основе ныне существующего алфавита и орфографии был издан ряд учебников и учебных пособий для начальных и

средних школ, в том числе учебники К. Бердимуратова и А. Есемуратова «Қарақалпақ тили сабақлығы», I-болим (Нукус, 1962), К. Убайдуллаева, Е. Дауенова и М. Даулетова «Қарақалпақ тили сабақлығы», II-болим (Нукус, 1963) и другие. Кроме того, по истории развития и становления каракалпакской письменности были опубликованы работы К. Убайдуллаева «Қарақалпақ тили жазыуының раўажланыуы» (Нукус, 1957), «Қарақалпақ тили алфавитиниң раўажланыу жоллары» (Труды Каракалпакского комплексного научно-исследовательского института, вып. I, Нукус, 1959).

Каракалпакский литературный язык за исторически короткий срок претерпел значительные изменения: его лексика обогатилась множеством новых слов и выражений, из нее выпало известное количество устаревших слов, ряд старых слов получили новое смысловое значение и т. д.

Твердо установлен и нормирован фонетический состав каракалпакского языка. Фонетический состав каракалпакского языка в связи с обогащением его лексики обогатился новыми гласными и согласными звуками.

В области грамматического строя каракалпакского языка были унифицированы и получили стабилизацию формы и нормы словообразования и словоизменения. Произошли также сдвиги в развитии и нормировании синтаксиса простых и сложных предложений.

Становление и развитие лексического состава каракалпакского языка всесторонне и глубоко освещены в работе Н. А. Баскакова «Состав лексики каракалпакского языка и структура слова» (Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, часть первая, Лексика, М., 1962, стр. 69—100), в кандидатских диссертациях Р. Есемуратовой «Развитие каракалпакской лексики после Великой Октябрьской социалистической революции» (Ташкент, 1964), Е. Бердимуратова «Очерк лексикологии современного каракалпакского литературного языка» (Ташкент, 1964), «Современный каракалпакский язык. Лексика» (Нукус, 1964).

Большим достижением каракалпакской лексикографии последних лет является составление двух больших словарей — «Русско-каракалпакского» и «Каракалпакско-русского», а также «Краткого русско-каракалпакского словаря» для учащихся средних школ.

В области изучения фонетической структуры каракалпакского языка можно указать на кандидатскую диссертацию Ж. Аралбаева «Фонетическая система современного каракалпакского языка» (Алма-Ата, 1949).

Крупным событием в каракалпакском языкознании явился выход в свет двухтомного труда проф. Н. А. Баскакова «Каракалпакский язык» (М., 1951—1952). Второй том этой монографии посвящается описанию и исследованию фонетического и морфологического строя каракалпакского языка. Другая работа Н. А. Баскакова — «Очерк грамматики каракалпакского языка» (приложение к «Каракалпакско-русскому словарю», М., 1958) обобщенно излагает вопросы фонетики, морфологии и синтаксиса.

Вопросам грамматики каракалпакского языка были посвящены кандидатские диссертации А. Кдырбаева «Категория падежей каракалпакского языка» (Ташкент, 1944), Д. С. Насырова «Причастие и его синтаксические функции в каракалпакском языке» (М., 1954), А. Нурмахановой «Прямая и косвенная речь в современном каракалпакском языке» (М., 1954), К. Убайдуллаева «Категория прошедшего времени глаголов в изъявительном наклонении в современном каракалпакском языке» (М., 1955), Б. Кутлымуратова «Имена действия в современном каракалпакском языке» (Ташкент, 1963).

Кроме того, были опубликованы в виде отдельных книг и брошюр работы А. Кдырбаева «Имена существительные в каракалпакском языке»

(Нукус, 1961), «Категория множественности в каракалпакском языке» (Нукус, 1961) и «Причастие в каракалпакском языке» (Нукус, 1964).

Объектом глубокого научного исследования стали и вопросы синтаксиса каракалпакского языка. Здесь, в первую очередь, следует назвать работы Н. А. Баскакова «Словосочетания в каракалпакском языке», «Простое предложение в каракалпакском языке», «Предложения с развернутыми членами в каракалпакском языке», «Сложное предложение в каракалпакском языке» (Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. III, М., 1961), К. Бердимуратова «Придаточные предложения в каракалпакском языке и их структура» (Ученые записки Каракалпакского пединститута, вып. I, 1957), «К вопросу о синтаксических функциях причастных оборотов в современном каракалпакском языке» (Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, 1963, № 1), Е. Дауенова, посвященные изучению словосочетания в современном каракалпакском языке (Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, 1961, № 3; 1962, № 2) и др.

В создании и восстановлении истории языка огромное значение имеет изучение диалектов и письменных памятников в тесной связи с историей народов, являющихся носителями данного языка.

За последние 10—15 лет каракалпакские языковеды стали проявлять особый интерес к изучению вопросов диалектологии и истории каракалпакского языка, чему во многом способствовала вышедшая в 1951 г. монография Н. А. Баскакова «Каракалпакский язык», I, Материалы по диалектологии».

Некоторые вопросы диалектологии каракалпакского языка были освещены также в статьях Ж. Аралбаева «Некоторые вопросы каракалпакской диалектологии» (газ. «Қызыл Қарақалпақстан», 21 августа 1947 г.), Т. Бегжанова «Наблюдения по языку каракалпаков Тахтакупырского района» (Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, 1962, № 1), А. Ниязова «К вопросу истории изучения каракалпакского языка и его диалектов» (сб. «Вопросы литературоведения и языкознания», книга 3, Ташкент, 1961), «Система гласных чимбайского говора» (Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, 1963, № 3), «Шире использовать богатство народно-разговорного языка в литературном языке» (ж. «Амударья», 1963, № 8), У. Бекбаулова «Система гласных муинакского говора каракалпакского языка» (Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, 1963, № 4), Т. Бегжанова «Лексические особенности муинакского говора каракалпакского языка» (Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, 1964, № 1) и др.

Обобщению итогов изучения диалектов и классификации диалектных систем каракалпакского языка был посвящен доклад Д. С. Насырова «Вопросы изучения диалектов каракалпакского языка» на IV региональном совещании диалектологов, состоявшемся в г. Фрунзе в 1963 г.

Некоторые вопросы формирования каракалпакского литературного языка, языковых особенностей произведений классиков каракалпакской литературы, дореволюционных письменных памятников затронуты в статьях Е. Дауенова «О формировании каракалпакского национального литературного языка» (газ. «Совет Қарақалпақстаны», 7 марта 1958 г.), Е. Бердимуратова «О языке произведений Жиенжрау» (ж. «Амударья», 1958, № 4), Х. Хамидова «Памятники дореволюционной каракалпакской письменности» (Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, 1961, № 4).

В заключение можно назвать статьи обзорного характера Ю. Д. Дешериева «Языкознание в Каракалпакской АССР» (в его книге «Развитие младописьменных языков народов СССР», М., 1958, стр. 121—123) и

А. А. Кокляновой «Каракалпакский язык» (сб. «Младописьменные языки народов СССР», М.—Л., 1959).

Изучению каракалпакского языка посвящены также работы зарубежных тюркологов К. Менгеса «Каракалпакская грамматика. Часть I, Фонология» (Нью-Йорк, 1947) и его работа по арало-каспийской группе языков в первом томе «Основ тюркской филологии» (Висбаден, 1959); работа Стефана Вурма «Каракалпакский язык» (ж. «Anthropos», № 3—4, Швейцария, 1951).

В 1959 г. с открытием Каракалпакского филиала АН УзССР в составе Института истории, языка и литературы были организованы секторы современного каракалпакского языка, словарей и терминологии, истории и диалектологии, которые занимаются изучением и разработкой актуальных проблем каракалпакского языкознания.

В настоящее время силами научных сотрудников этих секторов завершены «Нормативная грамматика каракалпакского языка», «Большой русско-каракалпакский словарь» и «Очерки по каракалпакской диалектологии» (первый выпуск).

В своей работе каракалпакские языковеды руководствуются указаниями Коммунистической партии, направляющей внимание лингвистов на изучение таких проблем, как язык и общество, язык и мышление, национальные литературные языки и диалекты, развитие и взаимообогащение национальных языков, пути сближения национальных культур и языков в нашей стране, вопросы алфавитов, орфографии и терминологии в языках народов СССР и других актуальных проблем языковедческой науки.

Д. С. Носиров

ҚОРАҚАЛПОҚ ТИЛШУНОСЛИГИ ТАРАҚИЙТИНИНГ БАЪЗИ ЯҚУНЛАРИ

Мақолада Совет ҳокимияти даврида қорақалпоқ тилшунослиги тараққийетининг асосий яқунлари келтирилган ва ҳозирги кунда Қорақалпоғистон тилшуносларининг диққат марказида турган муҳим проблемалар кўрсатиб ўтилган.

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ НАШИ УЧЕНЫЕ

С. П. ТОЛСТОВ

*член-корреспондент АН СССР,
почетный академик АН УзССР,
доктор исторических наук,
профессор*

Дорогие товарищи! Благодарю Вас за новгородные поздравления и добрые пожелания. На вопросы Вашей анкеты могу предложить следующие ответы:

1. Основными научными итогами своей работы за 1964 г. я считаю подготовку и проведение в г. Москве VII Международного Конгресса антропологических и этнографических наук и дальнейшее изучение памятников древнего Хорезма.

2. Основные проблемы, интересующие меня в новом году, по-прежнему лежат в области изучения археологических памятников Хорезма и области древней дельты Сырдарьи.

3. В Ваш журнал я могу предложить статью «Археологическое изучение земель древнего орошения в связи с перспективами их сельскохозяйственного освоения» (совместно с Б. В. Андриановым).

К. Х. ХАНАЗАРОВ

*директор Института языка и литературы
им. А. С. Пушкина АН УзССР,
доктор философских наук*

В 1964 г. я был занят подготовкой к печати монографии «Строительство коммунизма и национальные языки», которая будет опубликована в 1965 г. Издательством «Наука» УзССР на узбекском языке. Данная монография является расширенным и дополненным изданием моей книги «Сближение наций и национальные языки в СССР», выпущенной Издательством АН УзССР в 1963 г.

Кроме того, в 1964 г. я написал и сдал в печать брошюру «Русский язык — второй родной язык народов СССР», а также статью о росте удельного веса межнациональных браков, являющуюся итогом конкретно-социологических исследований, проведенных мною в 1962—1964 гг. (она опубликована в «Общественных науках в Узбекистане», 1964, № 10).

В настоящее время я принимаю участие в подготовке коллективного труда по развитию национальных отношений в СССР, планируемого Институтом философии и права АН УзССР.

В 1965 г. я намерен сосредоточиться на разработке двух-трех наиболее важных вопросов, представляющих несомненный теоретический интерес в связи с развитием советского многонационального общества в условиях развернутого строительства коммунизма. Это, прежде всего, вопрос о складывании и развитии новой исторической

общности людей в СССР — советского народа. Значение данного вопроса определяется тем, что впервые в истории человечества в условиях многонационального общества, ликвидировавшего эксплуатацию человека человеком, национальный гнет и неравноправие, обеспечивающего расцвет экономики и культуры всех народов, их дружбы и взаимную помощь, складывается качественно новая общность людей, которой не знало и не могло знать досоциалистическое общество.

Второй вопрос — о «национальном характере», «психическом складе» наций, который пока еще остается наименее разработанной частью национального вопроса. В нашей стране происходит неуклонное сближение наций во всех областях — экономике, культуре, духовной жизни и т. п. И для того, чтобы иметь правильное и конкретное представление о сближении советских наций, необходимо выяснить, из каких компонентов складываются сами понятия «национальный характер», «психический склад» наций, какие из этих компонентов развиваются, сближаются и сливаются, а какие слабеют и отмирают как узконациональные, не соответствующие новым условиям. В 1965 г. я планирую подготовить статью и брошюру по этим вопросам.

М. Х. НАЗАРОВ

*зав. кафедрой истории КПСС ТашПИ,
доктор исторических наук*

Главным событием в моей жизни в 1964 г. явилось утверждение меня ВАКом в ученой степени доктора исторических наук за диссертационное исследование по историко-партийной теме.

В минувшем году опубликовал две статьи в журнале «Партийная жизнь» и в «Трудах» ТашГУ, посвященные 40-летию Узбекской ССР и Компартии Узбекистана. Мною написана 2-я глава в опубликованных недавно «Очерках истории Коммунистической партии Узбекистана». Я принимал участие и в подготовке материалов к 3-му тому многотомной «Истории КПСС», выступал с докладом на Всесоюзной научной сессии, созванной научным Советом Института истории АН СССР по комплексной

проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции».

В 1965 г. буду работать над составлением очерков истории партийных организаций республик Средней Азии и Казахстана, приему участие в подготовке нового издания 2-го тома «Истории Узбекской ССР» (советский период), а также в написании и редактировании 2 и 3-го томов «Истории гражданской войны в Узбекистане».

Много времени займет в текущем году, как и прежде, оказание помощи молодым научным кадрам, научное редактирование монографий и, конечно, организационная и педагогическая работа на кафедре истории КПСС ТашПИ.

Г. А. АБДУРАХМАНОВ

*зав. сектором историко-сравнительного изучения узбекского языка Института
языка и литературы АН УзССР,
доктор филологических наук*

В течение 1964 г. я продолжал исследование по историческому синтаксису узбекского языка — изучал синтаксические особенности выдающихся памятников литературы XI в. «Кутадгу билик» и «Дивану лугатит турк», имеющих непосредственное отношение к истории современного узбекского языка. Данную часть работы я предполагаю издать отдельной монографией.

Вторая тема, над которой я работал в прошлом году, это «Развитие синтаксической структуры узбекского языка за советский период», что является одним из разделов разрабатываемой коллективом языко-

ведов проблемы «Закономерности развития узбекского языка в связи с развитием узбекской социалистической нации». Работа над этой темой будет завершена в первой половине 1965 г.

В настоящее время нами завершается также составление индекса к «Дивану лугатит турк». В то же время я продолжаю руководить работой научного Совета по проблеме «Закономерности развития узбекского языка в связи с развитием узбекской социалистической нации», координирующего исследования в этой области в масштабе всей республики.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

К ПЕРСПЕКТИВАМ РАЗВИТИЯ ХЛОПЧАТОБУМАЖНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
В УЗБЕКСКОЙ ССР

Легкая промышленность, в частности ее текстильная отрасль, играет важную роль в удовлетворении постоянно растущих материальных потребностей советских людей. Поэтому Коммунистическая партия и Советское государство уделяют большое внимание дальнейшему развитию этой отрасли социалистической экономики.

Государственным планом развития народного хозяйства СССР на 1965 г., принятым пятой сессией Верховного Совета СССР шестого созыва (декабрь 1964 г.), предусматривается увеличить производство всех видов тканей до 9,2 млрд. м, трикотажных изделий — до 922 млн. шт., обуви — до 477 млн. пар и т. д. Намечены более высокие темпы роста капитальных вложений в легкую и пищевую промышленность; так, капитальные вложения в трикотажную промышленность возрастут более чем в три раза.

Легкая промышленность занимает видное место в экономике республик Средней Азии, в том числе Узбекистана. Достаточно сказать, что на долю предприятий этой отрасли приходится более 39% всей промышленной продукции среднеазиатских республик, причем 25,6% производится на предприятиях текстильной промышленности, а в Узбекской ССР соответственно — 43 и 33,5%.

В отраслях легкой промышленности республики занято около 33% всех промышленных рабочих Узбекистана. На долю хлопчатобумажной промышленности УзССР приходится 12,5% валовой продукции легкой промышленности, из них примерно 90% дают Ташкентский и Ферганский текстильные комбинаты.

Несмотря на достигнутые успехи, уровень производства продукции легкой промышленности в республиках Средней Азии все еще значительно отстает от растущих потребностей населения, а производство ряда важнейших изделий на душу населения здесь намного ниже среднесоюзных показателей; например, по шелковым тканям, верхнему трикотажу, кожаной обуви — в 1,3 раза, по хлопчатобумажным тканям — в 1,1 раза и др. Поэтому в республики

Средней Азии приходится еще завозить большое количество одежды, обуви, трикотажа, различных тканей и других изделий (табл. 1).

В то же время из республик Средней Азии вывозится значительное количество сырья для предприятий легкой промышленности центральных районов страны, где вообще отсутствует сырьевая база для производства хлопчатобумажных, шелковых и шерстяных (кроме искусственных) тканей.

Такое нерациональное распределение отраслей легкой промышленности явилось следствием исторически сложившегося размещения предприятий данной отрасли в дореволюционный период в результате колониальной политики царизма и российской буржуазии.

За годы Советской власти была проделана огромная работа по развитию текстильной промышленности в Средней Азии. Но и до настоящего времени на долю хлопкосеющих республик приходится только 8,2% общесоюзного производства хлопчатобумажных тканей, а на долю РСФСР — более 85%. Нерациональность размещения текстильного производства видна еще из того, что в восточных районах РСФСР в 1963 г. выпускалось всего 10,6% хлопчатобумажных тканей, а около 90% производилось в районах Европейской части СССР. Только два экономических района Российской Федерации (Верхне-Волжский и Московский), не располагающих собственным сырьем, дают свыше 70% всех хлопчатобумажных тканей, причем на долю этих районов приходится 6% населения страны. В то же время Азиатская часть Российской Федерации, где проживает свыше 10% населения Союза, дает лишь 3,4% хлопчатобумажных тканей. А в республиках Средней Азии и Казахстане производится немногим более 5% хлопчатобумажных тканей, хотя именно здесь находится основная сырьевая база текстильного производства.

Таким образом, в настоящее время подавляющая часть хлопчатобумажных предприятий страны оторвана как от источников сырья, так и от потребителей, что наносит немалый ущерб нашему народному хозяй-

ству. Все это свидетельствует о необходимости приближения текстильного производства к источникам сырья.

Между тем некоторые экономисты до сих пор пытаются доказать нетранспортабельность хлопчатобумажных тканей по сравнению с хлопком-волокном и тем самым отрицают экономическую целесообразность перемещения хлопчатобумажного производства в хлопкопроизводящие районы.

Так, Е. А. Поспелова и Е. Н. Сластенко пишут: «Основной принцип, который должен быть положен в основу размещения текстильного производства, — приближение его к потребителю. Близость к источникам сырья не имеет такого значения в текстильной промышленности, как в машиностроении или металлургии. Давно известно, что перевозка хлопка более экономична, чем перевозка тканей. Таким образом, исходя из возможности высокой концентрации, специализации и комбинирования, новые районы

текстильной индустрии целесообразно создавать далеко не везде»¹.

На наш взгляд, в основу эффективного размещения любого производства должен быть положен тот принцип, который обеспечивает наибольший народнохозяйственный эффект. Следовательно, прежде чем приступить к размещению любого производства, необходимо подсчитать экономическую эффективность различных вариантов размещения и взять за основу наиболее оптимальный вариант.

Что касается утверждения о большей экономичности перевозки хлопка-волокна по сравнению с перевозкой хлопчатобумажных тканей, то оно также лишено основания. Расчеты показывают, что фактическая средневзвешенная вместимость хлопка-волокна в один четырехосный вагон составляет 40 т, а хлопчатобумажных тканей — 30 т. Однако в хлопковом волокне имеются различные примеси, которые устраняются при переработке волокна на ткани. Если указанное

Таблица 1

Виды продукции	Удельный вес завоза в потреблении, %			
	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.
Хлопчатобумажные ткани	41	49,2	44	50,8
Шелковые ткани	59	52,2	52	42
Шерстяные ткани	100	100	100	100
Трикотажные изделия	50	50,2	44,0	43,4
Чулочно-носочные изделия	34	45	39,2	35,0
Кожаная обувь	38	32,3	31,3	43
Швейные товары	14,1	13,9	15,5	...

выше количество хлопка-волокна перевести на ткань (по фактическому выходу), то его вместимость в один вагон составит 36 т. Таким образом, вместимость волокна и тканей почти эквивалентна. Следовательно, не может быть и речи об особой экономичности перевозки хлопка-волокна по сравнению с хлопчатобумажными тканями.

Существующие ныне тарифы на перевозку хлопка-волокна и хлопчатобумажных тканей в вагонах одинаковой грузоподъемности различны. Так, за перевозку одного вагона хлопка-волокна на расстояние до 3000 км взимается 553 руб., а за хлопчатобумажные ткани — 1241 руб., или в 2,3 раза больше. Столь резкое расхождение тарифов при почти одинаковой вместимости и одинаковом расстоянии искусственно делает хлопок-волокно более транспортабельным, чем ткани.

Если подходить к тарифообразующим факторам с научно-обоснованных позиций, то здесь основным принципом прежде всего должны быть издержки перевозок с соответствующей рентабельностью железнодорожного транспорта. Разумеется, характер грузов в какой-то степени влияет на образование тарифов, однако хлопок-волокно и хлопчатобумажные ткани относят-

ся к одной категории грузов. Следовательно, существующие тарифы на хлопчатобумажные ткани не соответствуют основным принципам тарифообразования.

Согласно новому прейскуранту тарифов, вводимому с 1 января 1966 г., перевозка одного вагона хлопчатобумажных тканей на расстояние 3000 км оценивается вместо 1241 руб. в 392 руб. и превышает тарифы на перевозку хлопка-волокна лишь в 1,2 раза. Мы считаем, что эти тарифы более реальны и логичны, поскольку загруженность одного вагона хлопком-волокном в 1,2 раза больше, чем хлопчатобумажными тканями.

Транспортировка хлопка-волокна на дальние расстояния обходится очень дорого. Перевозка одного вагона хлопка-волокна на расстояние 100 км обходится в 51 руб., а на 3000 км — 553 руб. Транспортные расходы значительно повышают себестоимость выпускаемых тканей. Так, в Узбекистан ежегодно ввозится около 134 млн. пог. м готовых хлопчатобумажных тканей, что в

¹ Е. А. Поспелова, Е. Н. Сластенко, Специализация производства в пищевой и легкой промышленности, М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 205.

перевозе на хлопок-волокно составляет 16 тыс. т. Если указанное количество волокон переработать на месте, то это позволит сэкономить более 200 тыс. руб. в год. К тому же полностью устраняются затраты по ввозу готовых хлопчатобумажных тканей в республику. Стоимость перевозки одной тонны тканей на 100 км составляет 1,8 руб., а на расстояние 3000 км — 41 руб. 30 коп. Следовательно, экономия на каждой тонне тканей составит (41,3 руб. — 1,8 руб.) 39 руб. 50 коп., а на весь объем завозимых тканей (134 млн. пог. м.) — 630 тыс. руб. Таким образом, ежегодная экономия от ликвидации дальних перевозок тканей в республику составит 830 тыс. руб.

При решении вопроса о размещении предприятий текстильной промышленности, на наш взгляд, следует учитывать и положительный опыт, накопленный за рубежом.

Зарубежная практика, особенно США, показывает экономическую эффективность приближения производства хлопчатобумажных изделий непосредственно к сырьевым и

трудовым ресурсам. Так, в США хлопчатобумажная промышленность первоначально размещалась в индустриально развитых районах страны, а в 20—30-х годах нашего столетия она перемещается в южные плантационные районы, т. е. к источникам сырья. С 1920 г. по настоящее время с севера на юг переместилось около 50% мощностей всей хлопчатобумажной промышленности США. Это способствовало снижению издержек производства в данной отрасли.

В условиях нашей страны наиболее благоприятные природно-экономические факторы, сравнительно лучшая организация производства хлопчатобумажных тканей, обеспечивающие наименьшие издержки производства, имеются в республиках Средней Азии, особенно в Узбекистане — основной хлопковой базе страны.

Нами собраны и обобщены отчетные материалы, характеризующие технико-экономические показатели предприятий хлопчатобумажной промышленности Московского и Московского городского совнархозов, где

Т а б л и ц а 2

Статья затрат	Затраты на 100 ед. пряжи, руб. коп.		
	Ташкентский текстильный комбинат	Ярцевский хлопчатобумажный комбинат	Фабрика им. Цюриха
Сырье и основные материалы	116—29	121—40	120—07
Основная зарплата производственного рабочего	15—34	14—43	16—90
Дополнительная зарплата производственного рабочего	0—84	0—87	1—02
Отчисление на соцстрах	1—10	0—90	1—15
Расходы на содержание и эксплуатацию оборудования	14—88	19—86	21—43
Цеховые расходы	5—01	6—95	7—58
Общефабричные расходы	0—49	2—99	2—06
Внепроизводственные расходы	2—62	0—77	—
Полная себестоимость	156—57	168—07	170—21
Отпускная цена	158—50	158—50	158—50

сосредоточено около 38% общесоюзного производства хлопчатобумажных тканей. Сравнение издержек производства одноименных хлопчатобумажных тканей на некоторых предприятиях указанных совнархозов и Ташкентском текстильном комбинате показывает, что в последнем производстве пряжи и ткани обходится гораздо дешевле.

Так, по данным 1963 г. (из расчета 100 единиц) производство пряжи № 54 (основа) на Ташкентском текстильном комбинате было на 4 руб. дешевле, чем на Павлово-Покровской фабрике, и на 13 руб. 42 коп. дешевле, чем на Щелковском хлопчатобумажном комбинате.

В том же году производство 100 единиц пряжи (корд-уток) на Ташкентском текстильном комбинате обходилось дешевле по

сравнению с фабрикой им. Цюриха на 14 руб., с Ярцевским хлопчатобумажным комбинатом — на 11 руб. 64 коп. и с Павлово-Покровской фабрикой на 5 руб. 23 коп. Значительная экономия была достигнута и по другим видам тканей.

Расчеты показывают, что если бы на фабрике им. Цюриха и Ярцевском хлопчатобумажном комбинате была достигнута такая же себестоимость, что и на Ташкентском текстильном комбинате, то ежегодная экономия превысила бы 2,3 млн. руб. В табл. 2. показано конкретно, за счет каких статей происходит экономия затрат на Ташкентском текстильном комбинате при производстве пряжи № 65 (по данным 1963 г.).

Как видно из данных табл. 2, экономия затрат на Ташкентском текстильном комби-

нате приходится главным образом на статьи «Сырье и основные материалы» и «Расходы на содержание эксплуатации оборудования». Естественно, что технико-экономические показатели производства хлопчатобумажных тканей на предприятии, расположенном у источников сырья, оказываются лучше, чем на предприятиях, отдаленных от сырьевой базы.

Наиболее благоприятные условия Средней Азии и Узбекистана (наличие богатейших сырьевых запасов, соответствующих трудовых ресурсов и топливно-энергетической базы), позволяющие выпускать хлопчатобумажные ткани с наименьшими общественными издержками производства, делают целесообразным развитием здесь этой отрасли высокими темпами, в размерах полностью обеспечивающих потребности УзССР и отчасти Казахстана и Туркмении², доведя

объем производства тканей к 1970 г. до 646 млн. пог. м.

Партия и правительство наметили широкую программу ускоренного развития легкой промышленности в ближайшие годы путем строительства новых и реконструкции старых предприятий.

Нам представляется, что новые предприятия текстильной промышленности целесообразно будет размещать в хлопкосеющих республиках Союза, особенно в Узбекистане. В результате наша республика превратится в крупнейший центр хлопчатобумажной промышленности, выпускающий продукцию по самой низкой себестоимости, что позволит ежегодно экономить значительные суммы государственных средств и общественного труда.

И. Искандеров

О СООТНОШЕНИИ ЯЗЫКА С МЫШЛЕНИЕМ

Вопрос о соотношении языка с мышлением является одним из важнейших аспектов проблемы отражения объективной действительности в человеческом сознании. Успешное решение этого вопроса имеет неопределимое методологическое значение для целого ряда конкретных наук, таких как лингвистика, психология¹, семиотика, кибернетика, нейрофизиология, бионика и др.

Как справедливо отмечают некоторые авторы, вопрос о соотношении языка с мышлением есть, собственно, вопрос о влиянии на язык (на его структуру и развитие) всех внешних факторов. Общественная жизнь оказывает влияние на язык опосредственно, через мышление².

Не претендуя на анализ всех философских вопросов языкознания, мы коснемся здесь лишь некоторых лингвистических аспектов проблемы, исходя из ленинского указания о том, что лингвистика относится к тем

областям знания, «из коих должна сложиться теория познания и диалектика»³.

Прежде всего остановимся на вопросах, связанных с этимологическим исследованием проблемы. Раскрыть связь слова с понятием, а следовательно, языка с мышлением почти невозможно без всестороннего учета того, что было зафиксировано и отражено в слове с момента его формирования, а также развития в системе языка. Слово есть живая и постоянно развивающаяся единица языка. История слова неразрывно связано с историей создавшего язык народа, его материальной и духовной культурой, его борьбой за познание и преобразование природы и общества.

Взять, например, торговые взаимоотношения народов и их влияние на торговую терминологию. Известно, что торговля издавна была одной из форм общения между народами, средством взаимного обмена материальными и культурными ценностями. Этот процесс всегда неразрывно связан с развитием производства и общественного разделения труда. Культурное взаимовлияние невозможно без языкового общения, а стало быть и без влияния языков друг на друга. Так например, в своей интересной статье с русской и среднеазиатской торговой терминологии Н. Б. Байкова указывает на связь между персидско-таджикским «мазд» («музд») и русским «мзда» (отсюда производное «мздоимец»), обозначающими одно и то же понятие — «вознаграждение», «плата», но с весьма разными оттенками⁴.

мы современного советского языкознания». М., Изд-во «Наука», 1964, стр. 75.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 38, стр. 350

⁴ Н. Б. Байкова, О некоторых взаимоотношениях в сфере русской и среднеазиатской торговой терминологии, журн. «Общественные науки в Узбекистане», 1963, № 3.

² В порядке пополнения ассортимента тканей, выпускаемых в этих республиках.

¹ Нам кажется совершенно правильным мнение, высказанное по этому поводу Б. В. Горнунгом: «Наиболее сложны взаимоотношения лингвистики с логикой и психологией. Принципиальным основанием их должно быть не только научное обоснование, но и детально разработанное на конкретном материале решение вопроса о соотношении языка и мышления, слова и понятия, предложения и суждения, грамматической и логической категорий» (Б. В. Горнунг, Место лингвистики в системе наук и использование в ней методов других наук, журн. «Вопросы языкознания», 1960, № 4, стр. 36).

² См. В. З. Панфилов, О соотношении внутрilingвистических и экстралингвистических факторов в функционировании и развитии языка, сб. «Теоретические пробле-

В середине XIII—XIV в. вместе с татарским завоеванием в русский язык вошло слово «деньги» (от тюркского «тенге» — мелкая серебряная монета). Слово «таможня» произошло от среднеазиатского «тамга» («клеймо») — знак в виде пломбы, накладывавшийся на товар, оплаченный ввозной пошлиной⁵. Нетрудно привести многочисленные примеры обратного влияния русского языка на среднеазиатские языки.

Любопытное лингвистическое исследование по уточнению истории шелководства в Узбекистане осуществил С. И. Ибрагимов. Анализ лексики узбекских шелководов позволили ему прийти к выводу о том, что шелководство в Узбекистане появилось на самостоятельной основе в результате окультуривания местных пород дикого шелкопряда.

С. И. Ибрагимов собрал и изучил не одну тысячу слов узбекского языка, обозначающих процессы, связанные с разведением шелкопряда, шелковицы, производством шелковой ткани и т. д. Исследователь не обнаружил почти ни одного серьезного языкового факта, который подтвердил бы мнение о приходе искусства шелководства в Среднюю Азию извне. Вот интересные примеры сопоставления узбекских слов (автор называет их терминами) со словами других языков:

по-узбекски — пилла, ипак, ипак. тўқима, курт, курт уруф, тут;
по-русски — кокон, шелк, шелковая ткань, шелкопряд, грена, шелковица;
по-персидско-таджикски — пилла, абширим, шоҳивор, кирмак, тухми. кирмак, тут;
по-китайски — цзянь, сы, чои-из, цань, цан-цзи, саян-шу.

Автор ознакомился с рядом письменных памятников тюркско-узбекского языка, начиная с XI в., и ни в одном из них не обнаружил элементов иностранных слов в терминах, связанных с шелководством⁶.

Эти и многие другие примеры служат убедительным доказательством того, что развитие языка идет в органической связи с развитием мышления. При исследовании истории слова нельзя игнорировать факт отражения в нем предметов и явлений действительности, и не только в плане выраженного в слове понятия, но и того идеального значения слова⁷, которое формируется

в результате отражения предметов и явлений внешнего мира. При этом необходимо учитывать своеобразное взаимовлияние законов мышления, которым подчиняются понятия, и закономерности языка и его грамматики, формирующих слово и его значение.

Так, слово «деньги» в русском языке утвердилось в связи с зарождением и развитием товарно-денежных отношений; этот факт осознавался людьми и требовал своего словесного обозначения. Да и любое другое слово возникает как результат отражения и обозначения предметов и явлений, с которыми люди сталкиваются в процессе трудовой деятельности.

Нам думается, что решение и глубокое освещение этих вопросов не только способствовало бы теоретической разработке проблемы, но и в какой-то мере облегчило бы совершенствование принципов и методов составления этимологического словаря узбекского языка, потребность в котором, кстати сказать, давно уже назрела.

За последние годы в лингвистической литературе все чаще затрагивается вопрос о значении слова. Однако здесь наши лингвисты еще не пришли к единому мнению. Поэтому составители толковых словарей, в том числе тюркологи, испытывают определенные трудности из-за отсутствия четкого определения термина «значение слова». Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с вышедшей в 1963 г. книгой «Проблема толкования слов в филологических словарях»⁸.

Некоторые авторы этой коллективной работы отмечают, что в разных словарях выделяется различное количество значений одних и тех же слов и их оттенков. При этом слова, выделенные в одних словарях в качестве основных значений, в других фигурируют в виде оттенков основных значений слов и т. д. Это происходит от того, отмечают авторы сборника, что еще не разработаны единые теоретические и методологические принципы, опираясь на которые, можно было бы составить различные словари — толковые, двуязычные, синонимические и т. д.

К проблеме значения слова относится и вопрос о синонимах. Что следует понимать под «синонимами», на основе чего синонимизируются слова? Одни авторы считают, что «слова должны синонимизироваться на основе того общего, существенного, что заключается в роднящем их понятии...», а различаются синонимические слова «дополни-

⁵ Н. Б. Байкова, указ. соч., стр. 45—46.

⁶ См. С. И. Ибрагимов, К истории шелководства в Узбекистане, журн. «Общественные науки в Узбекистане», 1964, № 8—9, стр. 102—103.

⁷ Мы исходим из того, что значение слова и выраженный в слове понятие не одно и то же. В этом вопросе автор присоединяется к мнению ряда специалистов (см. В. А. Звегинцев, Семасиология, М., Изд-во МГУ, 1957, стр. 146; Л. О. Резников, Непозитивистская гносеология и

знаковая теория языка, журн. «Вопросы философии», 1962, № 2, стр. 101 и др.

⁸ Проблема толкования слов в филологических словарях, Рига, Изд-во Академии наук Латвийской ССР, 1963.

тельными оттенками в значении⁹. Другие авторы берут за основу не понятие, содержащееся в слове, а лексическое значение слова. «Синонимы, — пишет Р. А. Будагов, — это близкие по значению, но различающиеся слова, выражающие оттенки одного понятия»¹⁰. Третьи также берут за основу значение слова, но критерием различения они считают оттенки этих значений¹¹ и т. д. У нас здесь речь идет только об определении термина синонимы. Но даже этого достаточно, чтобы заметить разногласия по вопросу о соотношении понятия и значения слова. На наш взгляд, этот вопрос может быть успешно решен только на основе всесторонней разработки проблемы слово и понятие вообще и значение слова и понятие, в частности.

Наконец, остановимся на вопросе о возникновении и развитии частей речи. Общеизвестно, что такие категории, как существительное, прилагательное, числительное и другие, являются плодом длительной абстрагирующей и обобщающей работы человеческого мозга. Но категории эти возникают не одновременно, а в зависимости от исторических условий, на различных этапах развития языка. Установлено, например, что прилагательное в русском языке возникает позже существительного. В примитивных же языках прилагательное и вовсе не оформляется в самостоятельную часть речи, а входит в группу слов, составляющих существительное¹².

В древнерусском языке были слова, соответствующие по значению современным числительным, но в самостоятельную часть речи они не выделялись, так как по своим грамматическим свойствам объединялись с другими частями речи (существительными, прилагательными)¹³.

С точки зрения интересующей нас проблемы эти факты говорят о том, что при исследовании языковых категорий нельзя игнорировать закономерности формирования и развития категорий мышления. Дело в том, что процесс познания предметов и

явлений начинается с непосредственно даного, с живого созерцания. Люди первоначально осознают предметность, и это служит основой возникновения категории существительного в языке. Познание качеств и признаков вещей (основа формирования прилагательного) — дело следующего этапа отражения мира. Другими словами, познание должно пройти определенный путь развития прежде чем сделать объектом отражения признаки и качества вещей в отрыве от их носителей. Так же обстоит дело и с возникновением числительного. Осознание количественных соотношений предметов и явлений идет от конкретного данного, непосредственного к общему, абстрактному.

Любопытно в этом плане обратить внимание на процесс развития форм мышления. Характерно, что такие формы мышления, как понятия, суждения и умозаключения, свойственны любому мышлению, в том числе и самым ранним его периодам. Но есть формы мышления, которые возникают позже, на определенной степени развития мыслительной деятельности человека. К последним относится: возрождение от абстрактного к конкретному, единство логического и исторического и т. д.¹⁴

Нет ли чего-то общего между этими процессами развития языковых и мыслительных категорий? Конечно, есть. Эти два явления находятся в органическом единстве между собой. Поэтому при исследовании вопроса о частях речи и обозначающих их категориях необходимо помочь лингвисту оказать знание законов мышления, законов диалектической логики.

Итак, подведем некоторые итоги. Мы затронули отдельные вопросы из различных областей лингвистики и попытались показать их связь с общеметодологической проблемой язык и мышление, сузив ее в данном случае до рамок вопроса о соотношении слова и понятия. Как мы уже отметили, тема эта сложна и многогранна. Можно было бы показать связь затронутых лингвистических вопросов с другими аспектами проблемы. Но и сказанное свидетельствует о принципиальной важности общеметодологических проблем лингвистики, относящихся, собственно говоря, уже к области философии. Ведь лингвистика, как и любая другая специальная наука, оперирует такими философскими категориями, как закон, сущность, качество, количество и другие, единственно правильную теорию которых дает диалектический материализм, выступающий как общетеоретическая и методологическая основа лингвистики.

Б. Исмаилов

⁹ В. Г. Ключевая, Краткий словарь синонимов русского языка, М., Учпедгиз, 1961, стр. 4; см. также О. Азизов, Введение в языкознание, Ташкент, Изд-во «Средняя и высшая школа», 1963, стр. 65.

¹⁰ Р. А. Будагов, Введение в науку о языке, М., Учпедгиз, 1958, стр. 50.

¹¹ А. А. Либери́с, Синонимическое толкование значений слов в словаре литовского языка, сб. «Проблема толкования слов в филологических словарях», стр. 114.

¹² А. Н. Савченко, Части речи и категории мышления, Ростов, Изд-во Ростовского государственного университета, 1959, стр. 55.

¹³ В. И. Борковский, П. С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка, М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 238.

¹⁴ М. Н. Алексеев, Диалектика форм мышления, М., Изд-во МГУ, 1959, стр. 4.

ИЗ ИСТОРИИ ЗЕМЕЛЬНО-ВОДНОЙ РЕФОРМЫ В ТАШКЕНТСКОЙ ОБЛАСТИ

Земельно-водная реформа, проведенная в Узбекистане в 1925—1926 гг., имела исключительно важное значение в социально-экономической и политической жизни республики. Она означала фактическое осуществление национализации земли, окончательно ликвидировала феодальные и полуфеодальные отношения в узбекском кишлаке, сковывавшие развитие производительных сил сельского хозяйства, и создала необходимые предпосылки для социалистического преобразования кишлака.

О земельно-водной реформе в Узбекистане имеется обширная литература, однако в ней недостаточно конкретно освещается проведение реформы в условиях Ташкентской области — наиболее развитой в экономическом, политическом и культурном отношениях области республики.

Проведению земельно-водной реформы предшествовала большая подготовительная работа, осуществленная в соответствии с решениями I съезда КП(б)Уз и I съезда Советов Узбекской ССР.

Подготовка и осуществление земельной реформы в Ташкентской области проходили под непосредственным руководством Коммунистической партии, при активном участии рабочих Ташкента, трудового дехканства, местных Советов и общественных организаций трудящихся.

Начало земельно-водной реформы было положено декретами Чрезвычайной сессии ЦИК Советов УзССР от 2 декабря 1925 г. «О национализации земли и воды» и «О земельно-водной реформе».

Согласно декрету о земельно-водной реформе, в Ташкентской области полностью отчуждалась земля хозяйств помещичьего типа, пользующихся более чем 50 десятинами поливной земли, а также земли нетрудовых хозяйств. При этом у хозяйств помещиков и крупных торговцев, выбравших патенты 4 и 5-го разрядов¹, конфисковался и сельскохозяйственный инвентарь. У всех хозяйств, обрабатывавших землю полностью или частично своим трудом и имевших излишки земли сверх нормы, установленной для данного района, эти излишки отбирались и поступали в фонд для наделения безземельного и малоземельного дехканства.

Согласно постановлению Президиума ЦИК УзССР, сельскохозяйственный инвен-

тарь принудительно выкупался у нетрудовых хозяйств и частично — у хозяйств, имевших земли сверх установленной нормы.

Проведение земельной реформы в области было закончено к 15 февраля 1926 г. Ею было охвачено 2726 хозяйств, у которых отобрано 29 455 десятин земли, конфисковано и принудительно выкуплено 3585 голов рабочего скота. В процессе реформы было землеустроено 11 892 хозяйства².

Земельная реформа внесла изменения в соотношение различных групп хозяйств Ташкентской области: сократилось количество мало- и многоземельных хозяйств и увеличилось число середняцких хозяйств.

По данным 10-процентных сельскохозяйственных переписей, хозяйства Ташкентской области в 1925 и 1927 гг. распределялись по площади посевов следующим образом. До реформы хозяйства без посева и с посевом до 2 десятины составляли 64,7% хозяйств области³, после реформы — 46,2%⁴, а группа хозяйств с посевом от 2 до 6 десятин соответственно увеличилась с 32,4%⁵ до 40,8% хозяйств⁶.

В итоге земельно-водной реформы произошли значительные изменения в обеспеченности посевных групп рабочим скотом. По данным 10% выборочных обследований сельского хозяйства УзССР, рост поголовья рабочего скота в хозяйствах, имеющих от 0,10 до 3,09 десятины посевов, с 1925 по 1927 г. в среднем составил 33%, а в посевных группах от 3,10 до 16,09 десятины — 21%. В то же время в хозяйствах, имевших свыше 16,1 десятины посевов, количество рабочего скота сократилось на 65,69%⁷.

Качественные изменения произошли и в обеспеченности хозяйств сельхозинвентарем. Материалы обследования ЦСУ УзССР показывают, что до реформы в Ташкентской области 20,81% всех землеустроенных хозяйств вспахивали землю исключительно кетменем, 77,39% — омачом, 0,75% — плугом и 1,05% — трактором. После проведения реформы процент хозяйств, производивших вспашку кетменем, сократился более чем втрое. Обеспеченность землеустроенных хозяйств плугами возросла в 8 раз, тракторами — более чем в 10 раз. Почти 20% зем-

² ЦГА УзССР, ф. Р-225, оп. 1, д. 13, л. 283—290.

³ Бюллетень ЦСУ УзССР, 1925, № 12, стр. 14.

⁴ Бюллетень ЦСУ УзССР, 1929, № 21, стр. 193.

⁵ Бюллетень ЦСУ УзССР, 1925, № 12, стр. 14.

⁶ Бюллетень ЦСУ УзССР, 1929, № 21, стр. 193.

⁷ Бюллетень ЦСУ УзССР, 1927, № 17, стр. 64.

¹ Торговые патенты 4 и 5-го разрядов — свидетельства об уплате патентного сбора, взимаемого с крупных торговцев-оптовиков, скупщиков, подрядчиков и поставщиков, владельцев больших магазинов, складов, кредитных учреждений и транспортных контор, содержателей бань, аптек, частных столовых, ресторанов и т. п. См. «Положение о государственном промысловом налоге» (СУ РСФСР, 1923, № 5, стр. 89).

леустроенных хозяйств вспахивали свои поля плугом и трактором⁸.

Земельная реформа создала условия для более интенсивного ведения сельского хозяйства. Раньше крупные земледельцы выкачивали из дехканского хозяйства земельную ренту и часть прибавочной стоимости, и эти деньги использовали во внепроизводственной сфере (в торговле и т. п.). Примитивные средневековые орудия труда — оmach, кетмень, мала — не заменялись новой сельскохозяйственной техникой — плугом, трактором и т. д. Вновь землеустроенные хозяйства были заинтересованы во введении машин и усовершенствованных орудий. Этому способствовало укрепление их экономического положения. Дехканские хозяйства стали вкладывать больше средств в приобретение сельхозинвентаря, расчистку, расширение посевных площадей, что вело к увеличению производства хлопка и другой продукции сельского хозяйства.

Национализация земли и воды и земельно-водная реформа обеспечили благоприятные условия для переустройства сельского хозяйства на социалистических началах. В. И. Ленин, анализируя первые аграрные мероприятия Советской власти, говорил, что национализация земли, ликвидация помещичьего и отчасти кулацкого землевладения и передача их земель в руки трудового крестьянства создали «земельный строй, наиболее гибкий в смысле перехода к социализму»⁹.

Инвентаризация и кредитование землеустроенных хозяйств осуществлялись через кооперативную сеть. В проведении реформы в Ташкентской области участвовало 73 сельхозтоварищества. В кооперацию были вовлечены все землеустроенные хозяйства. Если ранее из членов этих хозяйств в кооперации состояло 2050 человек, то после реформы вступили в кооперативы еще 9940 человек¹⁰.

Земельно-водная реформа ускорила темпы колхозного строительства. Если в 1925 г. в Ташкентской области было всего 8 колхозов, то в 1926 г. их стало 64¹¹. Основную часть членов вновь организованных сельхозартелей составили бедняцкие и середняцкие хозяйства¹².

В ходе подготовки и проведения земельной реформы повысилось классовое самосознание и политическая активность трудового дехканства. Об этом свидетель-

ствуют рост рядов партийных и комсомольских организаций, союза «Кошчи» за счет бедняков, батраков и середняков, успешное проведение перевыборов Советов, улучшение социального состава и оживление их работы. Если в 1925 г. в Ташкентской области из общего числа принятых в кандидаты партии дехкане составляли 21,6%, то в 1926 г. — уже 40,5%, а среди принятых в члены партии — соответственно 11,4 и 15,15%¹³.

Усилилась тяга бедноты и в союз «Кошчи». В период земельно-водной реформы в Ташкентской области было вовлечено в союз «Кошчи» 8989 батраков, 4531 чайрикер, 7421 малоземельный дехканин и 11 739 середняков¹⁴. Вовлечение в союз бедняцко-батрацкой массы оживило работу и укрепило аппарат низовых органов союза «Кошчи».

Возросшая в ходе реформы общественно-политическая активность трудового дехканства способствовала успешному проведению перевыборов в Советы в 1925/26 г. В аульных сходках участвовало до 80% населения. Активное участие в выборах приняли середняки, составившие 27,9% общего количества участвовавших в выборах.

Партийные организации Ташкентской области придавали особое значение широкому вовлечению в общественно-политическую жизнь женщин-узбечек. И не случайно участие женщин в выборных собраниях по отдельным кишлакам достигало 73% (Аkkурганская волость), а в среднем по области — 13,5%, тогда как в Ферганской области в выборных собраниях участвовало всего 8,9% женщин, в Самаркандской — 4,3%, а в Кашкадарьинской области — 1,4%¹⁵.

В итоге выборов в кишлачные Советы Ташкентского уезда было избрано 2163 человека против 575 в 1925 г. Состав Советов был обновлен на 85%. Женщины составили 16% депутатов местных Советов против 2,8% в 1925 г.¹⁶

Перевыборы Советов способствовали оживлению их работы, приближению местных органов Советской власти к трудящимся массам кишлака, что, в свою очередь, благоприятно отразилось на закреплении результатов земельно-водной реформы.

Центральный Комитет ВКП(б) высоко оценил значение земельно-водной реформы в УзССР. «Проведенная в Узбекистане зе-

¹² Обзор советского, хозяйственного и социально-культурного строительства Ташкентского округа, Ташкент, 1929, стр. 63.

¹³ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 257, оп. 1, д. 454, л. 206—208.

¹⁴ Отчет о работе Ташкентского областного комитета КП(б) Узбекистана, Ташкент, 1926, стр. 14.

¹⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-90, оп. 1, д. 6, л. 264—267.

¹⁶ Отчет о деятельности Ташкентского облизполкома за период с 1 января 1925 г. по 1 апреля 1926 г., Ташкент, 1926, стр. 34.

⁸ Дополнительные материалы к отчету по проведению земельно-водной реформы в Самаркандской, Ферганской и Ташкентской областях УзССР, Ташкент, Изд. СНК УзССР, 1928, стр. 34—35.

⁹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 326.

¹⁰ ЦГА УзССР, ф. Р-225, оп. 1, д. 13, л. 249.

¹¹ Партархив Ташкентского ОК КПУз, ф. 492, оп. 1, д. 697, л. 4.

мельно-водная реформа, — говорилось в постановлении ЦК ВКП(б) от 25 мая 1929 г. «О работе парторганизации Узбекистана», — ликвидировавшая помещичье землепользование и урезавшая земельные излишки у кулаков, укрепляет национализацию земли и является важнейшим шагом в деле советизации кишлака и освобождения деревен-

ской бедноты и середнячества из-под байского влияния»¹⁷.

Трудовое дехканство, еще теснее сплотившись вокруг Коммунистической партии и Советской власти, повышало свою трудовую и политическую активность в борьбе за победу социализма.

И. Алимов

К ВОПРОСУ О КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В УЗБЕКИСТАНЕ

Изучение истории коллективизации сельского хозяйства в СССР является одной из важнейших задач советских историков. Особый интерес представляет процесс социалистического преобразования сельского хозяйства в национальных республиках Союза, в том числе в Узбекистане, где коллективизация проходила на основе общих закономерностей, но имела и свои особенности, вызванные прежде всего спецификой местных социально-экономических условий.

Известно, что в центральных районах страны массовое движение крестьянства в колхозы началось во второй половине 1929 г., а в Узбекистане решительный поворот середняка к коллективному хозяйству произошел в 1930 г.

Коллективизация сельского хозяйства в Узбекистане проходила в весьма сложных и своеобразных условиях, при наличии низкого уровня развития производительных сил, унаследованной от феодально-колониального прошлого общей экономической, политической и культурной отсталости, сохранении многочисленных пережитков патриархально-феодальных отношений, сильного влияния байства и духовенства в кишлаке, острой нехватки квалифицированных руководителей и хозяйственных кадров, слабости низовых партийных организаций, сельских Советов и т. д.

Достаточно сказать, что накануне сплошной коллективизации обеспеченность дехкан земледельческими орудиями в расчете на 1 га посевов (по стоимости орудий труда) даже в наиболее развитых областях УзССР — Ферганской и Ташкентской — была в 10—11 раз меньше, чем в центральных районах РСФСР¹. В среднем на 100 хозяйств в республике приходилось 6,5 плуга, 1,7 бороны, причем основная часть сельскохозяйственных орудий и тяговая сила были сосредоточены в руках зажиточных хозяйств, баев и кулаков. По данным СредазЭКОСО, в конце 1928 г. по УзССР 40,3% бедняцких хозяйств имели 14,3% рабочего скота, а на 6,5% зажиточных хозяйств приходилось 19,7% общего количества рабочего скота. Низкий уровень развития производительных сил был одним из серьезных факторов, тормозивших развитие колхозного строительства в Узбекистане в первые годы коллективизации.

Социалистическое преобразование узбек-

ского кишлака наталкивалось также на острое сопротивление классово-враждебных элементов — недобитых басмачей, баев, кулаков, буржуазных националистов и др.

Все эти обстоятельства отрицательно влияли на коллективизацию сельского хозяйства республики. Но вместе с тем здесь действовали и положительные факторы, благоприятствовавшие развитию колхозного строительства: высокая интенсивность дехканского хозяйства, основанного на искусственном орошении, большой удельный вес сельского пролетариата в кишлаке, навыки коллективизма у местного населения (общинное водопользование, совместное строительство и ремонт оросительных систем и др.). Все это толкало дехкан к объединению. И не случайно дехкане, получившие землю по земельно-водной реформе 1925—1929 гг., тут же приступали к созданию простейших форм объединения. Уже с 1927 г. реализация сельскохозяйственных продуктов осуществлялась в основном через специализированные кооперативы — хлопководческие, животноводческие, шелководческие и др.

Земельно-водная реформа 1925—1927 гг. сыграла важную роль в создании необходимых предпосылок для коллективизации узбекского кишлака. Этому способствовали также работы по землеустройству, рост механизации сельского хозяйства, налоговая и кредитная политика Советского государства, мероприятия по ограничению эксплуататорских хозяйств и политическому изолированию байско-кулацких элементов, упрощению позиций батрацко-бедняцких слоев дехканства.

Коммунистическая партия, руководствуясь гениальным ленинским кооперативным планом, проделала огромную работу по подготовке к развертыванию сплошной коллективизации сельского хозяйства Узбекистана. Активную помощь партии в социалистическом преобразовании кишлака оказал растущий рабочий класс республики, а также рабочие центральных районов страны (двадцатипятитысячники, шефские организации и т. д.).

Все это обусловило последовательное нарастание темпов коллективизации сельского хозяйства Узбекистана. В ноябре 1929 г. в республике насчитывался 1521 колхоз, а в январе 1930 г. 2555 колхозов охватывали 10,08% дехканских хозяйств и 7,45% посев-

¹ ЦГА УзССР, ф. Р-382, оп. 1, д. 1432, л. 42—45.

¹⁷ Известия ЦК ВКП(б), 1929, № 16.

ных площадей². К февралю 1930 г. процент коллективизации в Ташкентской области достиг 43%, в Самаркандской — 39%, Андижанской — 58% и т. д.³

В колхозах республики неуклонно рос удельный вес середняцких хозяйств. В Беговате, например, в составе новых колхозов было 20% батраков, 35% бедняков и 43% середняков⁴. Массовый поворот середняка к колхозам отмечался в Кувинском, Янгиюльском, Бухарском, Денауском и многих других районах республики.

Переход к сплошной коллективизации кишлака выдвинул на первый план ряд неотложных задач (усиление работы по механизации сельского хозяйства, подготовке колхозных кадров, организационно-хозяйственному укреплению колхозов и т. д.). Особое внимание партия уделяла оснащению вновь создаваемых колхозов сельскохозяйственной техникой. В 1929—1930 гг. в УзССР было реализовано 55 060 плугов, 44 842 бороны, 21 963 хлопковые сеялки, 26 392 культиватора⁵. Было организовано 827 машинно-конных станций, число прокатных пунктов хлопкооперации возросло до 387 (против 341 в 1929 г.), а ремонтных мастерских — до 267⁶. Расширилась сеть машинно-тракторных станций.

Партийная организация Узбекистана, руководствуясь постановлением ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и о мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 г. и постановлением Совнаркома и ЦИК СССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» от 1 февраля 1930 г., провела большую организационно-политическую работу по подготовке районов республики к проведению сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса.

Одновременно развернулись работы по землеустройству колхозов, подготовке колхозных кадров; была усилена агротехническая помощь дехканам, увеличились размеры кредитования дехканских хозяйств. Так, общий кредит, выданный на каждое дехканское хозяйство республики вместе с суммой, выплаченной по контрактации, увеличился в 1930 г. по сравнению с 1924 г. в 145 раз⁷.

Все эти мероприятия Коммунистической партии и Советского государства обусловили бурный рост колхозов в УзССР. Процент коллективизированных хозяйств с 3,43 на 1 октября 1929 г. возрос до 44,76 на 1 мар-

та 1930 г., а обобществленных посевных площадей — с 4,01 до 40,11⁸.

Однако в процессе сплошной коллективизации было допущено немало ошибок и перегибов, вызванных как усилением культа личности Сталина, так и отсутствием необходимого опыта колхозного строительства, а также деятельностью прокулацких и буржуазно-националистических элементов, всячески стремившихся сорвать коллективизацию сельского хозяйства и помешать социалистическому преобразованию кишлака. Некоторые местные органы в погоне за высоким процентом коллективизации прибегали к созданию «бумажных» колхозов, администрированию, нарушению ленинского принципа добровольности кооперирования крестьянства и т. д.

В результате с марта до июня 1930 г. происходит временный отлив части дехкан из колхозов. Процент коллективизации за это время снизился с 44,76 до 29. Но к концу 1930 г. процент коллективизации вновь повысился до 35%, а к 10 апреля 1931 г. 8822 колхоза УзССР объединяли 487 036 (54,6%) дехканских хозяйств⁹.

ЦК ВКП(б) своевременно принял решительные меры к исправлению ошибок и перегибов в колхозном строительстве. Партийная организация Узбекистана с помощью ЦК ВКП(б) также проделала большую работу по устранению недостатков, допущенных в начальный период сплошной коллективизации, обратив особое внимание на соблюдение ленинских принципов кооперирования крестьянства и прежде всего принципа добровольности вступления дехкан в колхозы.

ЦК КП(б)Уз провел массовую проверку деятельности местных партийных и советских органов, выявляя и устраняя недостатки и ошибки, допущенные на местах. Так, была проверена работа Бухарского, Ташкентского, Хорезмского обкомов и многих райкомов партии. По материалам проверки были вынесены соответствующие решения и приняты конкретные меры, направленные на развертывание колхозного строительства при строгом учете специфики местных социально-экономических и культурно-бытовых условий.

В ходе исправления допущенных ошибок партия уделяла особое внимание укреплению материально-технической базы колхозов. В 1931 г. в УзССР действовало уже 48 машинно-тракторных станций, обслуживавших 56 хлопковых районов. Широкая сеть конно-плужных бригад, созданных при МТС, обрабатывала более 85% хлопковых площадей республики. Мощность тракторного парка МТС в 1931 г. достигла 32 тыс. л. с. В то же время совхозы УзССР получили 1358 новых тракторов, около 8000 рабочих лошадей, 170 автомашин, большое количество других машин и инвентаря.

⁸ Там же, стр. 230.

⁹ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 7, л. 233, л. 45.

² Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 1, д. 6214, л. 18.

³ Там же, оп. 6, д. 755, л. 116.

⁴ «Правда Востока», 9 февраля 1930 г.

⁵ «Правда Востока», 14 января 1930 г.

⁶ Средняя Азия в цифрах, Статистический сборник, Ташкент, 1931, стр. 75.

⁷ История народного хозяйства Узбекистана, т. I, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1962, стр. 234.

В 1931 г. на земельно-водное устройство колхозов Узбекистана государство выделило кредит в сумме 5,5 млн. руб. Колхозы республики получили 160 тыс. га новых земель, обеспеченных водой, и значительное количество минеральных удобрений. Были приняты меры к организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Коллективные хозяйства пользовались различными льготами, предоставленными им Советским государством, всемерно содействовавшим упрочению и победе колхозного строя.

Все это способствовало дальнейшему росту колхозного движения в Узбекистане. В конце 1933 г. 77,5% дехканских хозяйств республики уже были объединены в колхозы. Около 20 районов было коллективизировано на 90—100%. Особенно высокие темпы коллективизации были достигнуты в хлопковых районах, обслуживаемых МТС и их конно-плужными бригадами.

В результате коллективизации сельского хозяйства произошли коренные изменения в соотношении различных экономических укладов в пользу социалистического сектора, удельный вес которого в 1932 г. составил 80,2%. В нашей стране был ликвидирован

последний эксплуататорский класс — кулачество. Изменилась классовая природа крестьянства — из носителя мелкоотварных, частнокапиталистических производственных отношений оно стало носителем новых, социалистических производственных отношений.

В ходе дальнейшего развёртывания строительства социализма под руководством Коммунистической партии, при всемерной помощи и поддержке рабочего класса трудовое дехканство Узбекистана, как и все многомиллионное советское крестьянство, навсегда избавившееся от кулацкой кабалы, разорения и нищеты, прочно встало на путь социализма.

Переход советской деревни, в том числе узбекского кишлака, к крупному социалистическому сельскому хозяйству означал, как подчеркивается в Программе КПСС, великую революцию в экономических отношениях, во всем укладе жизни крестьянства. Колхозный строй стал неотъемлемой частью советского социалистического общества, массовой школой коммунизма для крестьян.

Х. Азимов

РАБОТЫ НА ГОРОДИЩЕ ПИЛЬ-КАЛА В 1963 ГОДУ

В 1963 г. сотрудники сектора археологии и этнографии Института истории, языка и литературы и историко-краеведческого музея Каракалпакского филиала АН УзССР проводили археологические раскопки городища Пиль-кала.

Впервые Пиль-кала была обследована в 1874 г. членом Русского географического общества Л. Н. Соболевым¹. Однако результаты этого обследования не были опубликованы. В 1937 г. крепость была изучена Я. Г. Гулямовым, а также Хорезмской экспедицией АН СССР под руководством С. П. Толстова². Археологический отряд, возглавляемый А. И. Тереножкиным, произвел шурфовку памятника, сделал его описание и снял схематический план. Крепость была предварительно датирована III—IV вв. н. э. А. И. Тереножкин отметил, что Пиль-кала сохранила в народной памяти название смытого замка хорезмшахов Филя в окрестностях г. Кыта — древней столицы Хорезма³.

В 1939—1940 и 1946 гг. Пиль-калу посещали сотрудники Хорезмской экспедиции, которые собрали незначительный подъем-

ный материал и сфотографировали основные детали крепости⁴.

Обобщая итоги работ Хорезмской экспедиции за 1937—1947 гг., С. П. Толстов дал описание городища Пиль-кала и предположительно датировал его II—III вв. По мнению С. П. Толстова, современное название крепости происходит от первоначальной формы «Филь»⁵.

Описание и краткий анализ Пиль-калы мы находим в монографии Я. Г. Гулямова «История орошения Хорезма»⁶, а также в I томе «Истории Туркмении»⁷.

Окрестности городища в археологическом отношении изучены еще очень слабо, поскольку территория вокруг него на протяжении последнего столетия неоднократно перепахивалась. Подъемный материал встречается на огромной площади к северо-востоку и югу от крепости и может быть предварительно датирован VIII—XIV вв. Вероятно, здесь существовали многочисленные сельские поселения, которые можно связывать с сельской округой средневековой Кыта.

¹ Н. Н. Вактурская, М. Г. Воробьева, Хроника Хорезмской экспедиции АН СССР, Материалы Хорезмской экспедиции (в дальнейшем МХЭ) М., 1952, т. I, стр. 620, 623, 629.

² С. П. Толстов, По следам..., стр. 192, рис. 66, 67.

³ Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 3.

⁴ История Туркмении, Ашхабад, 1957, стр. 139.

¹ П. И. Лерх, Монеты бухар-худатов. Труды Восточного отделения Русского археологического общества, ч. XVIII, СПб., 1874—1909, стр. 118.

² С. П. Толстов, По следам древне-хорезмийской цивилизации, М., Изд-во АН СССР, 1948, стр. 25.

³ А. И. Тереножкин, Археологические разведки в Хорезме, журн. «Советская археология», 1940, VI, стр. 170, 173—174.

Городище Пиль-кала (рис. 1) расположено в 1,5—2 км к северу от поселка Бируни Бирунийского района Каракалпакской АССР, на острове посреди небольшого озера. Крепость занимает площадь около 5 га и ориентирована стенами по сторонам света. В настоящее время ее стены сильно разрушены, от них остались лишь небольшой вал и многочисленные выступы на наружной поверхности стен. Никаких следов видимой планировки внутри крепости не наблюдается. Вся средняя часть городища вес-

до 400 см. Сложены они из кирпича размером 37—40×37—40×9—10 см и 44—46×?×12 см или комбинированной кладкой, в которой пахса достигает 19—20 см толщины. К одной из стен внутрикольных помещений приставлена стена из кирпичей 45×28×12 см, 45×30×20 см. Назначение ее пока не выяснено.

Пространство внутри стен заполнено аллювиальным песком с комками зеленоватой болотной глины. Из такой же глины сделан и сырцовый кирпич. Это позволяет предпо-

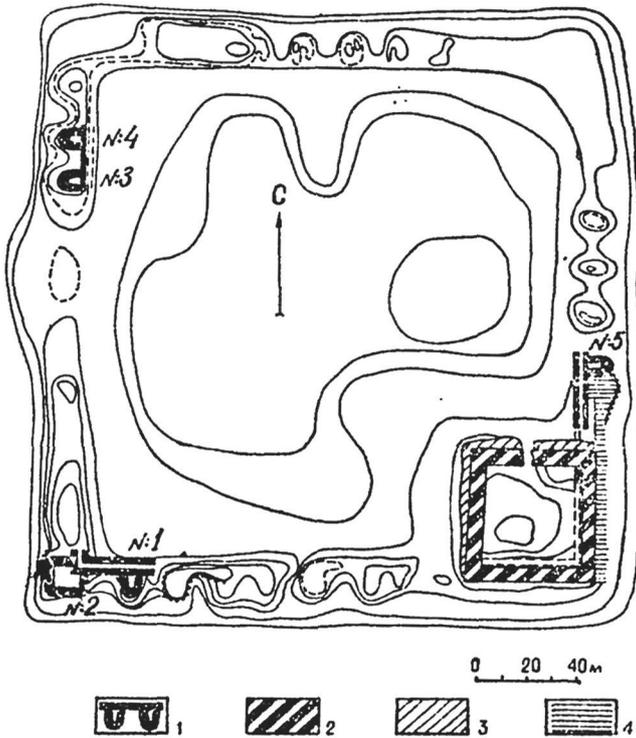

Рис. 1. Городище Пиль-кала. Общий план.

1 — стены и башни крепости IV—II пр. до н. э., 2 — стены стилобата, 3 — основание стилобата, 4 — пандус.

ной и летом залита водой; в восточной его части находится небольшая, но глубокая яма, всегда наполненная водой.

В юго-восточном углу возвышается прямоугольник паховых стен, внутри которого также не обнаружено следов планировки.

Раскопкам были подвергнуты две наиболее сохранившиеся башни в западной стене, угловая юго-западная башня и первая от нее башня по южной стене. Работы показали, что это не стрелковые башни, а только их цокольные части, так как ни в одной из них не обнаружено полов и культурного слоя. Цоколи башен имеют полуовальную форму, выступая из плоскости наружной стены на 950 см, при максимальной ширине 875 см. Стены цоколей достигают толщины до 275 см, увеличиваясь в передней части

ложить, что во время строительства крепости вокруг нее было озеро. Возведение Пиль-калы посреди озера не является уникальным. Это довольно обычный прием строительства. Например, в Хорезме так же построены Якке-парсан⁸ и Шурахан⁹.

Работы на юго-западной угловой башне сводились к уточнению ее формы. В описаниях и на планах предшествующих исследователей здесь обычно помещают башню типа «ласточкин хвост» (С. П. Толстов¹⁰ и

⁸ С. П. Толстов, По древним дельтам Окса и Яксарта, М., Изд-во восточной литературы, 1962, стр. 257, рис. 164.

⁹ С. П. Толстов, По следам..., стр. 237, рис. 83.

¹⁰ С. П. Толстов, По следам..., стр. 192

В. А. Лавров¹¹) или башню в виде четверти круга (А. И. Тереножкин¹²). Однако нами установлено, что цоколь башни имеет прямоугольную форму размером 17×17 м. Ширина стены цоколя колеблется от 330 до 370 см. Внутрницокольное помещение заполнено комками глины и аллювиальным песком. О форме башен на остальных углах ничего определенного сказать нельзя, так как они полностью уничтожены.

Цоколи башен отстоят один от другого на расстоянии около 10 м и не связаны конструктивно с внешней стеной стрелкового коридора. Цоколи стены стрелкового коридора сложены из пахсы и достигают в ширину 160—210 см. Промежуток между ними заполнен кирпичом размером 40×40×10 см или половинками кирпичей, небрежно сложенными на толстом слое раствора. Расчетка стрелкового коридора около башен № 3 и № 4 показала, что под внутренней стеной стрелкового коридора цоколь отсутствует. Никаких других признаков существования этой стены также не имеется. Цоколь внутренней стены стрелкового коридора около башни № 1 находится на незначительной высоте, тогда как закладка под пол стрелкового коридора сохранилась на высоту, втрое большую. Это указывает на очередность строительства отдельных частей крепости. Сначала, по-видимому, были поставлены цоколи под стрелковые башни и внешнюю стену стрелкового коридора; поломанный кирпич на толстом слое раствора укладывался в забутовку под пол стрелкового коридора. Затем возводили цоколь под внутреннюю стену. Такой способ строительства позволял быстрее закончить сооружение цоколя и приступить к возведению крепостных стен.

Отсутствие культурного слоя в башнях и стрелковом коридоре, полов и цоколя под внутренней стеной крепости в ее западной части говорит о том, что крепость не была достроена или ее строительство стало почему-то нецелесообразным.

При расчистке цоколей башен в забутовке обнаружено несколько характерных фрагментов керамики. Наибольший интерес представляет фрагмент хумчи, имеющий округлый в сечении венчик, короткую шейку и выпуклый валик на плечиках (рис. 2.1). Глина, из которой изготовлен сосуд, красноватая, тщательно промыта и отмучена. Отштитель мелко измелчен и равномерно распределен по тесту. Внешняя поверхность сосуда светлая. Хумчи такого типа были широко распространены в раннекангуйское

¹¹ В. А. Лавров, Градостроительная культура Средней Азии, М., Изд-во архитектуры и градостроительства, 1950, стр. 43, рис. 87.

¹² С. П. Толстов, Древний Хорезм, Изд-во МГУ, 1948, стр. 124, рис. 67.

¹³ М. Г. Воробьева, Керамика античного периода Хорезма, МХЭ, М., 1959, т. IV, стр. 93, рис. 9; стр. 97, рис. 11, 6.

время. Наш сосуд может быть датирован IV—II вв. до н. э.¹³

К керамике того же времени, на наш взгляд, следует отнести стенку хума или хумчи (рис. 2.2). Тесто и цвет черепка аналогичны вышеописанному. Внешняя поверхность имеет горизонтальные конелюры, характерные для раннего периода истории Хорезма.

Мисочки представлены одним венчиком со скошенным краем (рис. 2.3). Тесто, из которого изготовлена мисочка, тщательно приготовлено. Снаружи она имеет светлую окраску и следы покрытия красным ангобом. Сосуды такого типа бытовали в Хорезме на протяжении всего античного периода.

Из других фрагментов необходимо отметить венчик сосуда треугольной в сечении формы (рис. 2.4). Тесто содержит большое количество гипса. Сосуды с подобными венчиками также встречаются в кангуйское и кушанское время.

При зачистке снаружи цоколей № 3 и 4 найдены фрагменты ручки кувшина (рис. 2.5) афригидского времени и стенки нижней части дигрия. Эти фрагменты могли попасть в крепость в VIII—XIV вв. из окрестностей городища.

Таким образом, керамика с городища очень малочисленна и недостаточна для определения времени возведения крепости.

Обратимся к рассмотрению фортификации Пиль-калы.

Частое расположение полуовальных башен сближает наш памятник с крепостью II—IV вв. н. э. Аяз-кала I¹⁴. Однако полуовальные башни известны и в более ранних крепостях, как Кюзели-гыр (V—III вв. до н. э.)¹⁵, в предвратных сооружениях Джанбас-калы (IV в. до н. э. — I в. н. э.)¹⁶ и Кой-Крылган-калы (IV—III вв. до н. э.)¹⁷.

Прямоугольные, охватывающие угол крепости башни известны также на городище раннекангуйского времени Хазарасп (IV в. до н. э.)¹⁸, на крепости IV—III вв. до н. э. Анга-кала¹⁹. Аналоги к фортификации из других областей Средней Азии в данном случае вряд ли будут иметь какое-либо зна-

¹⁴ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 103.

¹⁵ С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., МХЭ, т. II, 1958, стр. 144.

¹⁶ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 92, рис. 29.

¹⁷ С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, МХЭ, I, 1959, стр. 18; МХЭ, IV, стр. 348—349, 366.

¹⁸ М. Г. Воробьева, М. С. Лапиро-Скобло и Е. Е. Неразник, Археологические работы в Хазараспе в 1958—1960 гг., МХЭ, 1963, вып. 6, стр. 195, рис. 18.

¹⁹ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 114, рис. 50.

чение, поскольку развитие в них шло, видимо, разными путями, отражая местные особенности.

Таким образом, на данном этапе датировку крепости II—IV вв. н. э. нельзя считать окончательной.

По сведениям информаторов, при вывозе песка в начале 30-х годов нашего столетия из прямоугольника стен в юго-восточном углу были обнаружены три каменные базы колонн. Нам удалось найти лишь одну из них (рис. 2, б). База имеет квадратную в плане форму и сделана из песчаника серого цвета. Обработаны только две ее стороны, что еще раз подчеркивает незавершенность

более соответствует действительности²². Этой же точки зрения придерживается и А. В. Гудкова²³.

Резюмируя вышесказанное, мы приходим к выводу, что базы подобной формы были, видимо, характерны для Хорезма кангюйского времени, что является подтверждением ранней датировки крепости.

Для датировки сооружения, расположенного в юго-восточном углу городища, и соотношения его с крепостью к северу от этого сооружения были произведены поверхностные зачистки на крепостной стене. Сооружение имеет квадратную в плане форму и сильно выдается за стены стрелко-

Рис. 2. Керамика, стрелы, база колонны и план погребения с городища Пиль-кала.

строительства крепости. База имеет три ступени, высота ее 32 см; длина по основанию — 58 см. Базы подобной формы, но больших размеров известны в Хорезме на городище Калалы-гыр I, где они датируются рубежом V—IV вв. до н. э.²⁰ Базы аналогичной формы найдены также на городище Гяур-кала в горах Султан-Унздага, которое Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская относили ко II в. н. э.²¹ Однако мы считаем, что датировка Гяур-калы кангюйским временем, предложенная С. П. Толстовым,

вого коридора. Южная и восточная стороны его равны 53 м, северная — 51 м, западная — 54 м. Стены сохранились на высоту до 11 м, а максимальная толщина их — до 6,5 м. Стены сооружены из 11 рядов пахсы на пахсовом цоколе шириной до 13 м; высота каждого ряда — около 95 см. Пахса во время строительства укладывалась прямоугольными блоками, которые выступают на поверхность стены своими торцовыми частями. Глина, по-видимому, бралась из ямы, находящейся в восточной части городища.

О значении этого сооружения высказывались различные мнения. А. И. Тереножкин считал его главным укреплением крепости — донжоном²⁴. Этому же мнению придержи-

²⁰ Ю. А. Рапопорт и М. С. Лапир-о-Скобло, Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр I в 1958 г., МХЭ, вып. 6, стр. 141, 146, рис. 3.

²¹ Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская, Городище Гяур-кала, МХЭ, 1958, т. II, стр. 359—360, рис. 7, 4.

²² С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 169.

²³ А. В. Гудкова, Ток-кала, Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1964, стр. 23.

²⁴ А. И. Тереножкин, указ. соч., стр. 175.

вается и В. А. Лавров²⁵. Я. Г. Гулямов высказал предположение, что это «постамент недостроенной жилой башни типа постаментов Дажидык-кала, жилой башни Топрак-кала»²⁶.

Отсутствие каких-либо оборонительных приспособлений типа башен, стрелковых бойниц опровергает мнение А. И. Тереножкина и В. А. Лаврова. Вряд ли можно допустить, что донжон строился в расчете на пассивное отсиживание защитников крепости в случае осады.

Произведенные работы полностью подтвердили мнение Я. Г. Гулямова. Поверхностные зачистки и шурф (210×200 см) в северо-восточном углу прямоугольника стен позволили установить отсутствие каких-либо признаков культурного слоя.

По сведениям информаторов, в 30-х годах из этого сооружения было вывезено большое количество песка. Возможно, что песком предполагалось засыпать все пространство внутри прямоугольника, а на образовавшейся площадке возвести задуманное строение. Этот строительный прием перекликается с очень древним способом использования барханов в качестве цоколя под жилые сооружения. При этом высокий бархан покрывали толстым глиняным панцирем²⁷. В данном случае, в первую очередь необходимо было построить окаймляющие стены, а затем засыпать песком образовавшуюся коробку.

Для определения соотношения стилобата с крепостью были произведены поверхностные зачистки, позволившие выяснить их одновременность. Стены стрелкового коридора резко обрываются в трех метрах от трапециевидного цоколя под северной стеной, а затем внутренняя стена стрелкового

коридора проходит вдоль восточной стены стилобата на расстоянии 210 см.

Вероятно, именно эта стена и аналогичная ей, идущая вдоль южной стены стилобата, и были приняты А. И. Тереножкиным за стены жилой постройки²⁸, которая нами нигде не обнаружена.

В 250 см от внешней стены стрелкового коридора, к северу от стилобата, обнаружена другая стена толщиной до 5—6 м из кирпичей античных размеров, чередующихся со слоями пахсы. Она прослежена на расстоянии 8 м по направлению к башне № 5, где поворачивает под углом 90° к внешней стене стрелкового коридора. Эта стена, — видимо, начало недостроенного пандуса, который предполагалось построить вдоль восточной стены на верх стилобата. При этом угол подъема не превышал бы 10—12°. Возведение этого сооружения предположительно можно отнести к VII—VIII вв.

При расчистке юго-западной угловой башни в 50 см от западной стены обнаружено плохо сохранившееся захоронение (рис. 2, 10). Костяк лежал в неглубокой ямке и был ориентирован головой на северо-запад. Большинство костей отсутствует. С восточной стороны лежали три массивных железных наконечника стрел (рис. 2, 7—9), которые по аналогиям из Южного Казахстана и Семиречья могут быть датированы XIII—XIV вв.²⁹ Захоронений с оружием в Хорезме для этого времени нам не известно.

Мы надеемся, что материалы, полученные нами при работе на Пиль-кале, помогут полнее осветить некоторые вопросы античной и средневековой истории Хорезма.

Ю. П. Манылов

К ИСТОРИИ КАРАХАНИДОВ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XI ВЕКА

Данная статья является продолжением начатой нами работы по изучению истории Караханидов в свете нумизматических данных. Вначале¹ нами были рассмотрены некоторые вопросы из истории первых четырех караханидских правителей — «алидов», т. е. сыновей Али б. Мусы — Насра (завоевавшего в 389/999 г. х. Бухару и положившего конец империи Саманидов), Ахмада, Мухаммада Арслан-хана I и их старшего брата Туган-хана I, сидевшего в Восточном Туркестане и бывшего номинальным главой династии. Этот период охватывает около трех десятилетий, с 386 (996) г. х.,

когда на монетах Ферганы впервые появился титул Насра, по 415 (1024—25) г. х., когда умер Мухаммад б. Али. Нами были установлены индивидуальные титулы этих правителей, время и место их появления на исторической арене, состав и изменения их уделов и иерархические взаимоотношения между ними.

Следующий период, охватывающий 1025—1050 гг., является наиболее сложным и малоисследованным в истории Караханидов XI в. Это время правления в Самарканде и Бухаре Али Тегина (415—426/1034—1045 гг.) и его сыновей (не

²⁵ В. А. Лавров, указ. соч., стр. 40.

²⁶ Я. Г. Гулямов, указ. соч., стр. 111.

²⁷ С. П. Толстов, По следам..., стр. 175.

¹ См. М. Н. Федоров, Клад караханидских дирхемов начала XI в. из Ташкента, в сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. V, Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1964, стр. 96—111.

²⁸ А. И. Тереножкин, указ. соч., стр. 175.

²⁹ Археологическая карта Казахстана, Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1958, табл. 3, 82—84, 87—88; Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». «Материалы и исследования по археологии СССР», № 14, М.—Л., Изд-во АН СССР, табл. XCV, 259.

позже 438/1046—47 гг.). Изучение данного периода, как, впрочем, и всей истории Караханидов, осложняется и тем, что до нас не дошло специальной работы по истории Караханидов. Правда, некоторые отрывочные, иногда противоречивые сведения о Караханидах можно почерпнуть из трудов по истории Газневидов, сельджуков и хорезмшахов. Известно, например, что Али Тегин находился в плену у Мухаммада б. Али Арслан-хана, затем он бежал в Бухару, захватил город и заключил союз с Арсланом, сыном Сельджука. Вероятно, захват Бухары произошел с помощью Арслана, хотя и не исключено, что в самой Бухаре были приверженцы Али Тегина. Против последнего выступил «илек, брат Арслан-хана», однако Али Тегин и союзные ему туркмены разбили это войско и закрепились в Бухаре².

К сожалению, дата побега и захвата Бухары не указана. Для уточнения ее мы использовали нумизматический материал. Имя и титул Мухаммада б. Али Арслан-хана появились на монетах Бухары в 403/1012—13) г. х.³, после смерти Насра б. Али (403 г. х.)⁴.

В 404 г. х. на монетах Бухары чеканился титул Мухаммада б. Али, а в 406 и 407 гг. х., помимо титула Арслан-хана, титул его вассала Сейф ад-Доуле Джагра Тегина, полная титулатура и имя которого (Сейф ад-Доуле Джагра Тегин ал-Эмир ас-Санд ал-Музаффар ал-Хусейн бен ал-Мансур) имеется на другой монете Бухары 406 г. х.⁵ С 407 по 411 г. х. Джагра Тегин чеканил монету в Тункете, также на правах вассала Арслан-хана Мухаммада б. Али⁶. Очевидно, Джагра Тегин был сыном пятого «алида», упоминаемого О. Прицаком и Е. А. Давидович⁷, — Мансура б. Али — и племянником Мухаммада. Последний отдал племяннику в удел сначала Бухару, а с 407 г. х. — Тункет.

Что же касается Бухары, то она перешла в 407 г. х. во владение к Мансуру б. Али, чеканившему монету на правах вассала Арслан-хана Мухаммада б. Али («Бухара, 410 г. х. Арслан хан Падишах и илек ал-Мансур». См. А. К. Марков, Инвентарный каталог..., стр. 233, № 182—283).

В Самаркандском музее есть медный фельс 407 г. х., на аверсе которого выбито

имя Мансура б. Али⁸. Название города на монете, к сожалению, не сохранилось, но, учитывая, что в 407 г. х. Джагра Тегин был уже в Тункете, а в 410 г. х. Бухарой владел Мансур, можно полагать, что эта монета отчеканена в Бухаре в год ее перехода к Мансуру, отцу Хусейна Джагра Тегина. В 411 г. х. в Бухаре была бита монета с титулами и именами: Арслан-хан падишах, илек ал-Мансур и Ахмед б. Илек⁹. Очевидно, здесь указаны титул сюзерена, титул и имя Мансура и имя его второго сына Ахмада. В 411 г. х. выпущены монеты с именем Ахмед Илек и Ахмед б. Илек, в 412 г. х. — с титулом Арслан-хан падишах (сюзерен) и ал-Музаффар Илек ал-Мансур¹⁰.

И, наконец, с 411 по 415 г. х., т. е. одновременно с монетами с именами Мансура б. Али и его сына Ахмада, выходят монеты с титулами Арслан-хан падишах и Бега ад-Доуле Бига Тегин¹¹ (возможно, тюркский титул Мансура). Отсюда понятно сообщение Ибн ал-Аспра, что против Али Тегина выступил «илек брат Арслан-хана» — это был Мансур б. Али, решивший отбить у захватчика свои «законные» владения. Таким образом, мы видим, что Бухара находилась в руках Арслан-хана и его вассалов вплоть до 415 г. х. и что побег Али Тегина и захват Бухары произошли не раньше 415 г. х., т. е. в последний год жизни Арслан-хана Мухаммада б. Али.

Далее мы узнаем, что вызывающая, независимая политика Али Тегина, не пускавшего послов Махмуда Газневи к «тюркским царям», разгневала последнего, и тот в 416(1025) г. х. перешел Амударью и вступил в Мавераннахр.

В то же время со стороны Кашгара в Мавераннахр вторглись войска Кадыр-хана Юсуфа, сына Богра-хана Харун б. Мусы, захватившего Бухару в 381(992) г. х. Кадыр-хан был тогда главой караханидской династии. Он дошел до Самарканда, находившегося в то время в руках Али Тегина. Последний бежал в степь Его обоз, жена и дочери были захвачены Махмудом Газневи.

Под Самаркандом произошла дружественная встреча двух могущественных правителей. Махмуд и Кадыр-хан заключили договор, согласно которому объединенные силы союзников должны были отнять у Али Тегина Мавераннахр и отдать его Яган Тегину Мухаммаду, второму сыну Кадыр-хана. Яган Тегин должен был жениться на дочери Махмуда Зейнаб, а сын Махмуда Газневи Мухаммад должен был жениться на дочери Кадыр-хана. Однако Махмуд не торопился с окончательным разгромом Али Тегина. Прежде всего он выступил против союзных Али Тегину туркмен, разгромил

² В. В. Бартольд. Сочинения, т. I, М., 1963, стр. 342.

³ А. К. Марков, Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа, СПб., 1896, стр. 226, № 227.

⁴ М. Н. Федоров, Клад караханидских дирхемов..., стр. 108.

⁵ А. К. Марков, Инвентарный каталог..., стр. 227, № 230, 231; стр. 850, № 231а.

⁶ Там же, стр. 231—232, № 258—265.

⁷ Е. А. Давидович, Клад караханидских монет XI в. из Таджикистана, журн. «Советская археология», 1957, № 3, стр. 268.

⁸ Самаркандский музей, инв. № 9615.

⁹ А. К. Марков, Инвентарный каталог..., стр. 238, № 299.

¹⁰ Там же, стр. 238—239, № 300—302; стр. 242, № 329.

¹¹ Там же, стр. 244—245, № 332—344.

их, взял в плен сельджука Исранла и заточил его в крепость в Индии.

Махмуду Газневи было выгоднее иметь в Трансоксиане две враждующие караханидские династии — это развязывало ему руки для походов в Индию. Под предлогом очередного похода в Индию Махмуд вскоре отказал Яган Тегину в совместном походе на Бухару и Самарканд, выразив надежду, что его союзники сами управятся с этим делом. Нам не известно, состоялся ли этот поход Яган Тегина; во всяком случае, Али Тегин был правителем Бухары и Самарканда вплоть до своей смерти (426 г. х.). Вместе с тем восточная ветвь Караханидов добилась определенных успехов: к 417 г. х. Кадыр-хан и его сыновья вытеснили Туганхана II, брата Али Тегина, из Баласагуна, а двумя годами позже и из Ахсикета¹².

30 апреля 1030 г. умер Махмуд Газневи. Его сын Мас'уд обратился к Али Тегину за помощью против своего брата Мухаммада, законного наследника престола, обещая отдать Али Тегину Хутталь в качестве вознаграждения. Но затем Мас'уду удалось захватить трон без помощи Али Тегина и он не выполнил своего обещания. Обиженный Али Тегин говорил «взорные речи» и даже «снаряжал рать». Чтобы обезвредить его, Мас'уд повелел хорезмшаху Алтунташу (бывшему полководцу Махмуда Газневи, которого Махмуд посадил на хорезмский трон еще в 1017 г.) начать поход против Али Тегина. Весной 423 (1032) г. х. Алтунташ вторгся в Мавераннахр. Бухара была взята. Али Тегин отошел к Дабусин, где к нему присоединились туркмены во главе с сельджуками. В битве при Дабусин Алтунташ был смертельно ранен. Везир хорезмшаха скрыл это от врагов и поспешил заключить мир с Али Тегиним. После этого Али Тегин вернулся в Самарканд. Сын Алтунташа Харун стал хорезмшахом.

Весной 1034 г. брат Харуна погиб при дворе Мас'уда. Харун обвинил последнего в убийстве и восстал против него. Он заключил договор с Али Тегиним и сельджуками и стал готовить поход против Мас'уда¹³. Вскоре (в конце 1034 или начале 1035 г.) Али Тегин умер. На престол вступил его старший сын. Сыновья Али Тегина, продолжая выполнять договор с Харуном, осадили Термез, но после того как Харун был убит подкупленными наемниками Мас'уда, они ушли из владений Газневидов.

В 1036 г. сыновья Али Тегина отправили послов к Мас'уду. Илек (старший сын Али Тегина) просил выдать за него одну из газневидских принцесс и предлагал свою сестру в жены сыну Мас'уда, а также просил его быть посредником в споре с Арслан-ханом Сулейманом б. Юсуфом, который после смерти своего отца Кадыр-хана

стал в 1032 г. главой династии Караханидов. В свою очередь Илек обещал Мас'уду помощь в борьбе с сельджуками¹⁴.

В 1038 г. на политической арене появляется Абу Исхак Бури Тегин Ибрахим б. Наср, впоследствии правитель Мавераннахра (до 460/1067—68 г.) с титулом Тамгач-хан Ибрахим. Он был сыном Насра б. Али, первого караханидского правителя Мавераннахра. Ибрахим находился в плену у сыновей Али Тегина, откуда вырвался с отрядом вооруженных всадников и ушел к своему брату Мухаммаду б. Насру Айн ад-Доуле в Узгенд. Из Узгенда он послал письмо к везиру Мас'уда, очевидно, с просьбой о помощи. Везир, передавая письмо Мас'уду, характеризовал Ибрахима как человека умного, энергичного, которого надо остерегаться, «дабы не произошла смута». Мас'уд повелел ответить Бури Тегину, что «наш дом — ваш дом», однако письмо следовало написать так, чтобы, попав к сыновьям Али Тегина, оно не причинило вреда¹⁵. Между тем Ибрахим был вынужден уйти из Узгенда, — очевидно, его брат, опасаясь осложнений с сыновьями Али Тегина, а также желая избавиться от претендента на престол, заставил Ибрахима уйти по-доброму, по-здорову¹⁶.

Ибрахим ушел в страну Кумиджнев и набрал там войско в 3000 человек. Кумиджнии жили в Кумеде (бассейн Каратагдарьи и верховья Кафирнигана); Макдис причислял их к тюркам¹⁷. Отряд Ибрахима стал грабить население Вахша, Хутталь и окрестностей Хульбука. Тогда Мас'уд выслал войско против Бури Тегина и тот поспешно отступил в Кумед. Везир Мас'уда доказывал, что достаточно поручить разгром Бури Тегина сыновьям Али Тегина и правителю Саганиана и что зима — не время для похода. Однако Мас'уд приказал навести мост через Амударью и в декабре 1038 г. со всей армией выступил против Бури Тегина. В походе войско сильно пострадало от холодов. К тому же Мас'уд узнал, что сельджуки собираются разрушить мост и отрезать его армии путь к отступлению. Все это заставило Мас'уда поспешно отступить. Во время отступления обозы Мас'уда были разграблены Бури Тегиним. Успех Бури Тегина привел к нему много новых сторонников, и к осени 1039 г. он с помощью туркмен одержал несколько побед над сыновьями Али Тегина и отнял у них значительную часть Мавераннахра. В мае 1040 г. Мас'уд был разгромлен сельджуками и бежал в Индию, где и умер в январе 1041 г.

¹⁴ В. В. Бартольд, Сочинения, т. I, стр. 362.

¹⁵ Бейхакки, История Мас'уда, перевод А. К. Арендса, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1962, стр. 485—486.

¹⁶ Там же, стр. 495.

¹⁷ В. В. Бартольд, Сочинения, т. I, стр. 121.

¹² В. В. Бартольд, Сочинения, т. I, стр. 344, 346 и 347.

¹³ Там же, стр. 357—359.

Что касается Бури Тегина, то он создал в захваченной части Мавераннахра свое государство и в 433(1041—42) г. х. уже чеканил в Бухаре монету, помещая на ней титул Богра-хана II Мухаммада б. Юсуфа (второго сына Кадыр-хана)¹⁸. Признавая своим сюзереном Богра-хана, владения которого были отделены от владений Бури Тегина той частью Мавераннахра, где еще держались сыновья Али Тегина, Ибрахим искал у Богра-хана поддержки против сыновей Али Тегина. К 438(1046—47) г. х. Ибрахим захватил весь Мавераннахр и, очевидно, уничтожил сыновей Али Тегина.

Такова историческая обстановка в государстве Караханидов периода 415—438 гг. х. Краткий обзор этих событий облегчит дальнейшую работу с нумизматическим материалом, который, в свою очередь, позволит уточнить и дополнить имеющиеся у нас сведения.

Самым интересным и невыясненным вопросом остается происхождение Али Тегина. Средневековые историки дают об этом противоречивые сведения. Так, Ибн ал-Асир, писавший свой труд через два столетия после интересующих нас событий, называет Али Тегина братом завоевателя Мавераннахра (т. е. Насра б. Али)¹⁹, а следовательно, всех остальных «алидов», в том числе Туган-хана I (ум. 408/1017—18 г.). Современник Али Тегина Бейхаки называет его братом Туган-хана II, которого Кадыр-хан Юсуф и его сыновья вытеснили к 417/1026—27 г. из Баласагуна²⁰. В. В. Бартольд ставит под сомнение известие Ибн ал-Асира и, основываясь на монетах Карминии и Дабусии, где есть имя Али б. Хусейн, высказывает предположение, что Туган-хан II и Али Тегин были сыновьями Туган-хана I, мусульманское имя которого могло быть Хусейн²¹. Скорее всего, Али Тегин был сыном Туган-хана I и, следовательно, племянником Арслан-хана Мухаммада б. Али, от которого он бежал в 415 г. х. В. В. Бартольд высказал также предположение, что сына Али Тегина могли звать Юсуф.

По утверждению Бейхаки, Али Тегин был в Мавераннахре уже во время Насра б. Али. Так, в 423(1032) г. х. везир Мейменди говорил султану Мас'уду, что Али Тегин «ловок и хитер, он уже 30 лет как обретается там (т. е. в Мавераннахре)»²². С 415 г. х. Али Тегин выступает как самостоятельный правитель, но нет ни одной монеты, где было бы выбито его имя и титул в том варианте, в каком оно приводит-

ся в рукописях. Да это и понятно. Али Тегин был врагом Газневидов и потому Бейхаки не было нужды перечислять подробно его титулы и почетные эпитеты: он был известен как Али Тегин — князь Али. Однако в Мавераннахре Али Тегин именовался по-другому. Нет также монет правителя, имя отца которого было бы Али Тегин. Титулатура Али Тегина и его сыновей на монетах, битых в Бухаре и Самарканде, была иной, чем в рукописи Бейхаки. Нами были тщательно изучены монеты Мавераннахра, битые между 415 и 438 гг. х., особенно чекан Самарканда и Бухары.

В Бухаре 416, 419, 422 гг. х. чеканились фельсы с титулом Илек²³. В 417, 418, 423 г. х. в Бухаре выпускались монеты с титулом Арслан Илек и именем Юсуф²⁴. В 421 г. х. в Бухаре биты фельсы с титулом Тархан Илек²⁵. В 423 г. х. на фельсах Бухары выбит титул Шемс ад-Доуле Арслан-хана, а в 425 г. х. — Шемс ад-Доуле Тангач-хан Арслан Тегин²⁶.

Поскольку в 415—426 гг. х. Бухара принадлежала Али Тегину, то на бухарских монетах в той или иной форме непременно должен был быть титул Али Тегина. Наиболее распространенным титулом Али Тегина на монетах Бухары (кстати, этот титул есть и на монетах Самарканда 420 г. х.)²⁷ является Арслан Илек, а наиболее полной формой его титулатуры — Шемс ад-Доуле Тангач-хан Арслан Тегин. В 418 г. х. в Самарканде бьют фельсы с титулом «ал-Амир ал Джалил ас-Саид... падишах» и именем Юсуф б. Али; в 420 г. х. — с титулом Арслан Илек; в 424 г. х. — с титулом Тафгач Кутб ад-Доуле Богра-хан Ильхан ал-Аджел ас-Саид ал-Малик ал-Мансур Маула амир ал-Муминин²⁸.

Во время правления сыновей Али Тегина в Самарканде, в 429 г. х. выпускались фельсы с титулатурой Арслан Илек-ал-Амир ал-Аджел ас-Саид ал-Мелик ал-Музаффар и именем Юсуф б. Тафгач²⁹. В 418 г. х. в Самарканде была бита монета с именем Юсуфа б. Али, т. е. Али Тегин поместил имя своего сына и наследника на монете вместе со своей титулатурой, что практиковалось довольно часто. Несомненно, что Юсуф б. Али был сыном Али Тегина и что Юсуф б. Тафгач и Юсуф б. Али — одно и то же лицо. Титул Арслан Илек перешел к Юсуфу по наследству.

В свое время В. В. Бартольд, рассказывая о походе хорезмшаха Алтунташа против Али Тегина в 423 г. х., осуществленном по приказу Мас'уда Газневи, писал, что этот поход заставил Али Тегина «теснее

¹⁸ А. К. Марков, Инвентарный каталог..., стр. 256, № 399.

¹⁹ В. В. Бартольд, указ. соч., т. I, стр. 342.

²⁰ Бейхаки, История Мас'уда, стр. 108 и 466—467.

²¹ В. В. Бартольд, указ. соч., т. I, стр. 343—344.

²² Бейхаки, История Мас'уда, стр. 307.

²³ А. К. Марков, Инвентарный каталог..., стр. 248, № 360—363.

²⁴ Там же, стр. 249, № 366—371.

²⁵ Там же, стр. 250, № 375—379.

²⁶ Там же, стр. 251, № 381, 382.

²⁷ Там же, стр. 253, № 387.

²⁸ Там же, стр. 248, № 359, стр. 253, № 387; стр. 252, № 384.

²⁹ Там же, стр. 254, № 391—392.

сблизиться со своими родственниками и признать над собой их главенство; в Бухаре и в Самарканде стали чеканиться монеты с именем Арслан Хана и Богра Хана. Кроме того, Али Тегин через 2 года нашел себе нового союзника в лице правителя Хорезма»³⁰.

С этим предположением нельзя не согласиться. Однако необходимо внести некоторые поправки. Дело в том, что титул Тафгач (Тангач, Тамгач) Богра-хану не принадлежал. Исходя из того, что Юсуф б. Али и Юсуф б. Тафгач — одно и то же лицо, т. е. сын Али Тегина, — мы уже говорили, что Али Тегин имел титул Тафгач (Тамгач). Однако В. В. Бартольд склонен считать, что титул Тафгач принадлежал Богра-хану³¹. Он основывается на монете Самарканда 424 г. х. с титулатурой Тафгач Кутб ад-Доуле Богра-хан Ильхан ал-Аджель ас-Саид ал-Мелик ал-Мансур Маула Амир ал-Муминин и на монете Ибрахима б. Насра, битой в Бухаре в 433 г. х., где Ибрахим, пытаясь привлечь Богра-хана на свою сторону, помещает его титул на своей монете и признает его, таким образом, своим сюзереном. Титулатура там следующая: Тамгач, Бугра Кара хакан, хакан Ибрахим б. Наср.

Разберемся в этих противоречиях. На монетах Богра-хана, битых в его собственных владениях, титул Тамгач-хан не встречается. Наиболее распространенная титулатура Богра-хана: Ал-Мелик ал-Музаффар Бугра Кара хакан Мелик ал-Ислам Куввам ад-Доуле³². Встречаются также титулы Насир ад-Доуле и Султан ад-Доуле³³. Вместе с тем титул Тангач (Тамгач, Тафгач) появляется задолго до того, как Богра-хан стал государем: в 415 г. х. на монетах Ахсикета впервые встречается этот титул³⁴, причем расположение титула заставляет думать, что Тангач был сюзереном ахсикетского правителя Айн ад-Доуле Мухаммада б. Насра. Очевидно, после того, как Али Тегин утвердился в Бухаре и Самарканде, Айн ад-Доуле счел благоразумным признать его своим сюзереном. В 418 г. х. на монетах Ахсикета вновь чеканится титул Тангач³⁵, причем последний выступает в качестве сюзерена правителя с титулом Моиз ад-Доуле (возможно, это второй титул Мухаммад б. Насра).

Предположение В. В. Бартольда о том, что, ища опоры против Мас'уда, Али Тегин поместил на самаркандских монетах 424 г. х. титул Богра-хана, признав его сво-

им сюзереном, — вполне приемлемо. Но титул Тафгач на этих монетах принадлежал не Богра-хану, а Али Тегину. Что же касается монеты Бухары 425 г. х. с титулом Шемс ад-Доуле Тангач-хан Арслан Тегин, то здесь нет и намека на титул Богра-хана. В 425 г. х. у Али Тегина появился надежный союзник против Мас'уда в лице хорезмшаха Харуна, что не замедлило отразиться в чекане Али Тегина, предпочитавшего быть самостоятельным правителем, а не вассалом. И, наконец, монета Бухары 433 г. х. с легендой Тамгач, Бугра Кара хакан, хакан Ибрагим б. Наср. Но ведь титул Тамгач — это наиболее распространенный и, очевидно, любимый титул Ибрахима б. Насра, который и вошел в историю как Тамгач-хан Ибрахим.

Отсюда можно сделать вывод, что в обоих случаях титул Тамгач Богра-хану не принадлежал. Выбитый на обеих монетах рядом с титулом Богра-хан, он все же принадлежит разным лицам. Сначала этот титул принадлежал Али Тегину, сын которого Юсуф б. Али подчеркивал, что он является сыном Тафгача (Юсуф б. Тафгач), а затем Ибрахиму б. Насру Тамгач-хану.

Для полноты картины необходимо сказать еще несколько слов о других караханидских правителях изучаемого времени. Кадыр-хан Юсуф был сыном первого караханидского завоевателя Бухары (992 г.) Богра-хана Харуна б. Мусы и, следовательно, двоюродным братом «алидов» Насра. Ахмада, Мухаммада, Мансура и Туган-хана I, сыновей Али б. Мусы. Харун и Али были родоначальниками двух главных ветвей Караханидов, между которыми шла борьба. Так, Кадыр-хан Юсуф вытеснил Туган-хана I из Кашгара уже в 401 г. х.³⁶ Туган-хану осталось только Семиречье, где он и умер в 408 г. х. Затем (до 416 г. х.) там правил Туган-хан II, очевидно сын Туган-хана I. Он был братом Али Тегина. К 417 г. х. Кадыр-хан и его сыновья Сулейман Богра Тегин и Мухаммад Яган Тегин вытеснили Туган-хана II из Семиречья. Последний еще два года удерживал власть над Ахсикетом, где местный правитель Моиз ад-Доуле подчинился ему и чеканил его имя на своих монетах.

Однако в 420 г. х. Моиз ад-Доуле уже чеканит на монетах титул Кадыр-хана, признавая себя вассалом последнего. Возможно, что Туган-хан II умер или был убит в 418 г. х., так как Моиз ад-Доуле меняет свои политические привязанности и признает себя вассалом брата Туган-хана II Али Тегина, чеканя на своих монетах титул

³⁰ В. В. Бартольд, указ. соч., т. I, стр. 358.

³¹ В. В. Бартольд, указ. соч., т. I, стр. 367.

³² А. К. Марков, Инвентарный каталог..., стр. 258, № 414.

³³ Самаркандский музей, инв. № 5501 и 307.

³⁴ А. К. Марков, Инвентарный каталог..., стр. 245, № 347.

³⁵ А. К. Марков, Инвентарный каталог..., стр. 247, № 357—358.

³⁶ Монеты Кашгара 401 г. х. с титулом Кадыр-хан описаны в статье: Е. А. Давидович, Клад караханидских монет XI в. из Таджикистана, СА, 1957, № 3, стр. 257 и 259.

последнего — Тангач. Когда же обстановка изменилась в пользу Кадыр-хана, Моиз ад-Доуле с 420 г. х. стал чеканить на монетах титул этого правителя.

В 1032 г. (конец 423—начало 424 г. х.) Кадыр-хан умер. К этому времени в состав его государства входили Восточный Туркестан, Семиречье, Шаш, Исфиджаб и Тараз. Столицей его был Кашгар. Старший сын Юсуфа Сулайман наследовал Восточный Туркестан, Семиречье и титул верховного правителя Караханидов; он принял титул Арслан-хан. Второй сын Юсуфа — Мухаммад получил Исфиджаб, Тараз, а затем Шаш. Он правил под титулом Богра-хан. Отношения его с братом сложились враждебные, особенно после 1034 г., когда Арслан-хан поддержал Мас'уда Газневида в его споре с Богра-ханом. В 1036 г. Богра-хан захватил владения Арслан-хана, а его самого взял в плен. В плену Арслан-хан умер. Богра-хан, однако, пережил своего брата всего на 15 месяцев — он был отравлен женой в 449 (1057—58) г. х. Последняя хотела, чтобы ее малолетний сын Ибрахим был наследником престола, а Богра-хан назначил наследником своего старшего сына Джагра Тегин Хусейна. Ибрахим все же сделался ханом, но погиб через 2 года в войне с барсханским правителем Иинал Тегинюм. Затем к власти пришел третий сын Кадыр-хана Юсуфа — Тогрул Карахан Юсуф (451/1059—467/1074)³⁷.

Остановимся еще на одном караханидском правителе того времени — брате Тамгач-хана Ибрахима Мухаммаде б. Насре (в рукописи Бейхаки он носит титул Айн ад-Доуле). Этот правитель никогда не играл сколько-нибудь значительной роли в исторических событиях второй четверти XI в. В «Истории Мас'уда» он упомянут лишь дважды, да и то косвенно. В 429 г. х. к нему в Узгенд бежал от сыновей Али Тегина его брат Ибрахим, но потом он был вынужден уйти. В рукописи 431 г. х. Айн ад-Доуле упомянут среди караханидских правителей, которым Сельджукид Тогрул послал письма с известием о своей победе над Мас'удом³⁸.

Удел Айн ад-Доуле находился в Фергане; его главными городами были Узгенд и Ахсикет. Айн ад-Доуле был очень хитрым и искусным дипломатом. За время своего правления он побывал вассалом почти всех крупных караханидских правителей, меняя сюзеренов в зависимости от изменения политической обстановки, но всегда сохраняя свой удел. Мы не знаем точно, когда началось правление Мухаммед б. Насра в Узгенде. Во всяком случае, это произошло значительное время спустя после смерти его отца Насра б. Али. Так, еще в 409 г. х., т. е. через шесть лет после смер-

ти Насра, в Узгенде бил монету Ахмед б. Мансур (очевидно, сын Мансура б. Али). Он признавал себя вассалом Мухаммада б. Али Арслан-хана I³⁹.

Впервые титул Айн ад-Доуле появляется на монетах Ахсикета в 415 г. х. с титулом Тамгач Каан и именем Мелика مهلا ⁴⁰

بن ملكان Узгенд находился в это время в руках правителей, признававших себя вассалами Кадыр-хана. Это Кич Тегин и Сулейман б. Шихаб ад-Доуле⁴¹. В 417 и 418 гг. х. Ахсикетом владел правитель с титулом Моиз ад-Доуле (скорее всего, это второй титул Мухаммада б. Насра), признававший себя вассалом сначала Туган-хана II, а затем его брата Тангача Али Тегина. В 420 г. х. Моиз ад-Доуле продолжал бить монету в Ахсикете, но уже как вассал Кадыр-хана⁴². В 423 г. х. Моиз ад-Доуле чеканил монету уже в Касане⁴³.

О том, что Моиз ад-Доуле и Айн ад-Доуле — одно лицо, говорит тот факт, что на монете Касана с титулом Моиз ад-Доуле, как и на монете Ахсикета с титулом Айн ад-Доуле, помещено имя Мелика, сына

ملكان (чтение А. К. Маркова). 423 г. х. — год смерти Кадыр-хана; поэтому, очевидно, на монете Касана отсутствует его титул, как сюзерена. Однако в 427 г. х. в Ахсикете выпускал монету Агд ад-Доуле Кич Тегин, помещая титул Кадыр-хана как своего сюзерена⁴⁴. В 426 и 428 гг. х. в Узгенде бил монету правитель с титулами Наср ал-Хакк (между прочим, это был индивидуальный титул отца Мухаммада Наср б. Али) и ал-Мелик ал-Аадл, также добавлявший на монетах титул Кадыр-хан, как своего сюзерена⁴⁵.

В 429 г. х. Узгендом владел Айн ад-Доуле. Этот факт, а также появление на монете титула отца Айн ад-Доуле говорят в пользу того, что узгендские монеты 426 и 428 гг. х. биты Айн ад-Доуле, в третий раз изменившим свою титулатуру. Помещая на монете титул покойного Кадыр-хана, Айн ад-Доуле, таким образом, избегал необходимости признавать себя вассалом кого-либо из сыновей Кадыр-хана. Прием не новый и не оригинальный: к такой уловке прибегал еще дядя и тезка Айн ад-Доуле — Мухаммад б. Али Арслан-хан I между 403 и 406 гг. х.⁴⁶

Существует монета с титулатурой Шихаб ад-Доуле Арслан-хан и именем Мухаммад

³⁹ А. К. Марков, *Инвентарный каталог...* стр. 234, № 274.

⁴⁰ Там же, стр. 245, № 347.

⁴¹ Там же, стр. 246, № 348—351.

⁴² Там же, стр. 250, № 373.

⁴³ Там же, стр. 251, № 380.

⁴⁴ Там же, стр. 253, № 385.

⁴⁵ Там же, стр. 853, № 384а, 384б.

⁴⁶ См. М. Н. Федоров, *Клад караханидских дирхемов...*, стр. 108.

³⁷ В. В. Бартольд, *Сочинения*, т. II, ч. I, М., 1963, стр. 44.

³⁸ Бейхаки, *История Мас'уда*, стр. 495 и 554.

б. Наср⁴⁷. Титул Арслан-хан принадлежит Сулейману, сыну Кадыр-хана (сюзерену), а Шихаб ад-Доуле — Мухаммаду б. Насру (вассалу). Отсюда можно сделать вывод, что Сулейман б. Шихаб ад-Доуле, бывший в 416 г. х. в Узгенде монету на правах вассала Кадыр-хана, был сыном Мухаммада б. Насра. Как отмечалось выше, в 415 г. х. Айн ад-Доуле признал своим сюзереном Тафгач-хана Али Тегина. В 416 г. х. поход Махмуда Газневи и Кадыр-хана против Али Тегина и его бегство привели к тому, что Сулейман и его отец Айн ад-Доуле сменили ориентацию и стали вассалами Кадыр-хана.

В 434 (1043) г. х. в Ходженде чекани-

лась монета с титулами Айн ад-Доуле (вассал) и Арслан-хана (сюзерен)⁴⁸. Итак, на разных этапах Мухаммад б. Наср владел Узгендом, Ахсикетом, Ходжендом и Касаном. На монетах он выступал со следующими титулами: Айн ад-Доуле, Моиз ад-Доуле, Шихаб ад-Доуле и Наср ал-Хакк.

Такова, в свете нумизматических данных, политическая история и генеалогия караханидских правителей второй четверти XI в. Дальнейшее выявление и изучение нумизматического материала в совокупности с другими источниками несомненно позволит уточнить и расширить наши представления по истории Средней Азии эпохи Караханидов.

М. Н. Федоров

⁴⁷ А. К. Марков, Инвентарный каталог..., стр. 255, № 393.

⁴⁸ А. К. Марков, Инвентарный каталог..., стр. 256, № 401.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ТЕОРИИ НАУЧНОЙ АБСТРАКЦИИ

Проблема научной абстракции занимает одно из центральных мест в теории познания диалектического материализма. Настоятельная необходимость разработки теории и логики процесса научного познания, обусловленная потребностями бурного развития науки на современном этапе, вызывает к ней повышенный интерес философов-марксистов. Последние годы ознаменовались специальными, в том числе монографическими, исследованиями в данной области (Э. В. Ильенков, Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса, М., 1960; сборник «Мировоззренческие и методологические проблемы научной абстракции», М., ИЛ, 1960; Д. П. Горский, Вопросы абстракции и образование понятий, М., 1961; Г. А. Курсанов, Диалектический материализм о понятии, М., 1963, и др.).

В 1964 г. вышла в свет книга проф. Н. М. Мирошхиной «В. И. Ленин и вопросы научной абстракции»¹. Это исследование отличается прежде всего тем, что в нем главное внимание сосредоточено на разработке основных методологических предпосылок теории абстракции. Опираясь на богатейшие идеи В. И. Ленина, автор раскрывает сущность и значение абстракций, понятий в процессе познания.

В исследовании данной проблемы автор опирается на марксистско-ленинское учение о целостном характере процесса познания. Только исходя из него, подчеркивает Н. М. Мирошхина, можно раскрыть содержание и значение каждого из моментов процесса познания, в том числе понятия (стр. 184). В книге правильно указывается, что «понятие не является пассивным результатом мыслительной деятельности, чем-то раз навсегда данным, неподвижным. Оно формируется в процессе человеческого познания и в этом процессе его формирования оно и выполняет функцию отображения объективной реальности» (стр. 4).

Уяснить сущность понятия, его значение и роль в познавательном процессе нельзя,

ограничиваясь лишь анализом понятия самого по себе, безотносительно к процессу познания в целом. Процесс абстрагирования и его результат — научные абстракции — находятся в неразрывном единстве и только в этом единстве служат средством отображения существенных сторон и закономерных связей явлений действительности.

Такая постановка вопроса позволила автору тесно связать проблему теории абстракции с основными гносеологическими принципами материалистической диалектики и правильно подойти к решению вопросов о характере научных абстракций, их источниках, процесса их образования и оперирования ими в научном познании. В монографии подчеркивается, что правильное понимание природы и значения научной абстракции зависит прежде всего от последовательно научного решения основного вопроса философии. Автор убедительно показывает, что если идеалистическое решение этого вопроса приводит к извращению сущности абстракции, то механистический материализм трактует отношение сознания к материи исключительно в плане физической обусловленности первого вторым, а процесс познания сводит к пассивному созерцанию, простому восприятию внешнего мира абстрактным человеком, человеком вообще.

С этой метафизической точки зрения нельзя понять ни сущности теоретического мышления, ни подлинной объективной значимости выраженного в абстракциях научного знания, как и процесса познания в целом. Для этого необходимо конкретное рассмотрение человека как совокупности общественных отношений, материалистическое решение основного вопроса философии и в плане социальной обусловленности сознания. Научное, марксистско-ленинское решение основного вопроса философии и впервые раскрытая марксизмом решающая роль общественно-исторической практики в теории познания, подчеркивает Н. М. Мирошхина, дают ключ к правильному решению вопроса об источнике и объективно истинном значении человеческого знания, этой центральной проблемы гносеологии.

Абстрактное, теоретическое мышление — это определенная ступень, необходимый

¹ Н. М. Мирошхина, В. И. Ленин и вопросы научной абстракции, Ташкент, Госиздат УзССР, 1964, 195 стр.

момент процесса социально-обусловленного отражения объективной реальности в сознании человека, и как таковое оно не может быть оторвано «ни от эмпирического знания и, следовательно, от самой реальной действительности, ни от практики — основы познавательного процесса в целом и единственного критерия истинности его результатов» (стр. 46). Поэтому в полном согласии с фактами автор указывает, что «учение диалектического материализма о процессе познания как целостном социально-обусловленном историческом процессе отражения объективной реальности в головах людей является обязательной методологической предпосылкой рассмотрения... абстрактного мышления и его результата — научной абстракции» (стр. 25).

К безусловным достоинствам рецензируемой работы относится и то, что ее автор при рассмотрении основных аспектов научной абстракции последовательно исходит из единства онтологии и гносеологии, логического и исторического. В этой связи особый интерес представляет раздел, посвященный исследованию ленинской идеи о совпадении диалектики, логики и теории познания в марксистской философии. Автор подробно анализирует различные точки зрения по данному вопросу и высказывает ряд оригинальных мыслей. Отказавшись от терминологического спора, то и дело возникающего среди философов, автор вводит читателя в существо вопроса, в истоки ленинской идеи, показывает, что единство диалектики, логики и гносеологии в ленинской трактовке представляет собою важнейший методологический принцип теории познания, в том числе теории научной абстракции. «Применение к одной науке логики, диалектики и теории познания, пишет автор, — нужно понимать в том смысле, что в теоретическом анализе того или иного предмета (объекта) они выступают в диалектическом единстве. Теоретический анализ — это и есть логический анализ. Однако для того, чтобы логический анализ был подлинно научным, он должен быть анализом самого реального объекта... Цель его — отображение исследуемого объекта в понятиях, понимание его. И этот анализ должен быть диалектическим: в основе его должна лежать реальная история самого предмета и история его познания» (стр. 35).

С этих методологических позиций Н. М. Мирошнина переходит затем к исследованию основных особенностей научного понятия. Особого внимания заслуживает подход автора к рассмотрению характера понятия с точки зрения единства относительного и абсолютного, конкретного и абстрактного в нем.

В книге отводится значительное место вопросу об объективном значении научных абстракций. Автор указывает, что научное понятие — это логическая форма обобщенного и опосредованного отражения объективной реальности (стр. 51). «Признание существования объективной реальности не-

зависимо от сознания и отображения ее в человеческом мышлении лежит в основе материалистического понимания понятия как образа объективной реальности» (стр. 55), и, следовательно, его объективного характера. И автор правильно отмечает, что этот основной гносеологический вопрос нельзя подменять ни вопросом о том, какой степени точности достигла человеческая мысль в том или ином понятии, ни вопросом об изменении и развитии понятия в историческом процессе человеческого познания (стр. 18, 55).

Совпадение понятия, как идеального образа внешнего мира, с данным опытом является несомненным для философов всех направлений². Однако главное, что разделяет материализм и идеализм, состоит в объяснении того, чем обусловлено это совпадение — материальной действительностью или потусторонним идеальным началом. Поэтому В. И. Ленин считал необходимым рассматривать, наряду с объективным содержанием понятия, и вопрос о его источнике. Этот момент имеет важное значение как для понимания истинного характера понятия, так и для критики идеализма, особенно теперь, когда на Западе наблюдаются тенденции возрождения традиций средневекового «реализма».

В то же время для последовательной критики идеализма — и субъективного и объективного, — конечно, недостаточно одного лишь указания на объективность понятия. Оно, как логическая форма познания, дано только в мышлении и, следовательно, имеет и субъективную сторону, на что В. И. Ленин обращал особое внимание³. В рецензируемой книге тоже упоминается о субъективности понятия но в другой связи, не в плане ее единства с объективным характером понятия. В результате этот интересный, но мало разработанный вопрос, к сожалению, и на сей раз остался неисследованным.

Переходя к рассмотрению процесса образования и развития научных понятий, автор проводит ту мысль, что в научном познании процесс абстрагирования сопровождается обобщением. «Содержание понятия, являющегося результатом диалектического процесса обобщения и все большего его обогащения (наряду с увеличением объема понятия расширяется и его содержание), выражается не в простой совокупности признаков, общих какому-либо классу явлений, а представляет собой нечто органически целое, в котором совокупность признаков обуславливается единым принципом, отображающим закономерность данного класса явлений, входящих в объем понятия» (стр. 64). Это — безусловно правильная и глубокая мысль.

Общее, отражаемое научным понятием,

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 38, стр. 280—281.

³ Там же, стр. 199.

как известно, представляет собой не формальную абстракцию, а выражение существенных сторон и связей вещей, предполагающих конкретные формы своего проявления. Истинность научного понятия и его эвристическая ценность находятся в непосредственной зависимости от отображения в нем общего в неразрывной связи с особенным и единичным. Понятие должно содержать в себе возможность перехода от общего к объяснению отдельных вещей и явлений.

В этой связи особый интерес представляет глава книги, в которой специально исследуется взаимосвязь общего, особенного и единичного. Правда, в рецензируемой работе в связи с ее специфической задачей единство этих категорий рассматривается не во всех аспектах. Но автор все же указывает на основное, главное, что обуславливает единство упомянутых категорий. Это — процесс развития. «Вопрос о единстве общего и особенного, общего и единичного в объективной реальности, — пишет Н. М. Мирошкина, — это вопрос об исторически складывающейся закономерности развития явления, об особых формах проявления этой закономерности, которые вместе с тем есть и исторические этапы ее развития, о выражении общей закономерности (существенного общего) развития явления в массовом проявлении общего в отдельных единичных фактах» (стр. 112—113).

Для того чтобы научное понятие было истинной формой отражения объективной реальности, оно должно выражать существенное общее не само по себе, а с учетом особых форм существования и массового проявления его в единичном, что и представляет собой мысленное отображение единства общего, особенного и единичного. Но это последнее выражается не в одном только определении понятия, а, как справедливо подчеркивает автор, и «в самом теоретическом анализе, в приемах его, в оперировании понятием, в той функции, которую выполняет понятие как логическая форма отображения действительности, как итог и одновременно — орудие познания человеком объективной реальности» (стр. 113).

Указывая на объективное, содержательное значение, как основное требование, предъявляемое к научной абстракции в отличие от ненаучной, «пустой» абстракции, Н. М. Мирошкина вместе с тем отмечает, что «даже правильные теоретические обобщения — выражены ли они в отдельных понятиях или же в суждениях, в научных положениях, не могут отобразить конкретное явление, жизнь во всей ее многосторонности, во всем ее многообразии» (стр. 115).

Относительность научной абстракции, по мнению автора, определяется двумя обстоятельствами.

Во-первых, в любой абстракции отражается лишь какая-то одна из многочисленных сторон сложной действительности. Эта сторона, как известно, существует не сама по себе, не безотносительно к чему-либо, а

как момент некоторой объективно существующей системы отношений. Свойства, состояния вещей и процессов проявляются лишь через их взаимные отношения. Поэтому содержание понятия может быть истинным постольку, поскольку абстрагируемая в нем сторона действительности схвачена именно как часть конкретного целого. Следовательно, относительность в гносеологическом плане обусловлена относительностью самих объективных явлений, т. е. относительностью в онтологическом плане.

Во-вторых, относительность научной абстракции связана с тем, что она представляет собою лишь определенную ступень процесса углубления знаний. По мере исторического развития степень полноты и точности отображения понятием того или иного предмета повышается, «относительные представления, развиваясь, идут по линии абсолютной истины, приближаются к ней»⁴.

Вопросу о единстве относительного и абсолютного в понятии, особенно объективной обусловленности этого единства, автор уделяет значительное внимание, правильно усматривая именно здесь водораздел в трактовке характера научного понятия между материалистической диалектикой, с одной стороны, и релятивизмом, софистикой, — с другой. Относительность абстракции в ее правильном, диалектико-материалистическом понимании не является чрезмерной. Она не означает ни идеалистически понятой субъективности абстракции, ни ложности ее содержания.

Важнейшим условием истинности, объективной значимости научного понятия является его конкретность. Конкретность понятия обусловлена прежде всего тем, что общее в нем находит свое отражение в необходимом единстве с особенным и единичным. Понятие должно быть конкретным и потому, что оно, как результат конкретно-исторического анализа действительности, включает в себя все существенные стороны отображаемого им объекта. Процесс познания не исчерпывается уяснением, пусть даже наиболее полным, одной какой-либо стороны предмета. Его задача — раскрыть сущность, которая дана в органическом единстве всех основных сторон предмета, проявляемых в его необходимом развитии и опосредствованиях. Такое конкретное представление о предмете достигается в результате всестороннего изучения его с учетом данных общественно-исторической практики. Это означает мысленное воссоздание конкретного из совокупности абстрактных понятий подобно с объективной логикой реального предмета. Именно здесь, в конкретно-целостной системе отношений, каждое понятие, приводимое в необходимую связь с другими понятиями, в свою очередь, приобретает конкретное значение. И прав автор, указывая, что «понятие приобретает под-

⁴В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 181.

ленно конкретный характер, когда оно берется в связи с другими понятиями» (стр. 174).

Монография завершается разделом о гибкости понятий. Однако поставив этот малоисследованный и интересный вопрос, автор уделяет ему неоправданно мало внимания.

Говоря о содержании книги в целом, следует отметить ясное, доходчивое изложение мыслей автора, хотя в ряде мест имеются стилистические погрешности (стр. 45, 73, 86, 112—113 и др.), отдельные повторы (гл. I, II, III) и т. п.

Но все эти замечания носят частный характер. В целом же рецензируемая книга

заслуживает бесспорно высокой оценки. Читатель найдет в ней правильное и оригинальное решение многих вопросов, представляющих большой научный интерес. Автор исследует проблемы теории научной абстракции не отвлеченно, а опираясь на конкретный научный материал как из области социологии, так и естествознания. Выход в свет книги проф. Н. М. Мирошкиной безусловно явился заметным событием в научно-философской жизни республики и существенным вкладом в разработку теоретических и методологических проблем научного познания.

М. Х. Нурматов, Ф. С. Подойников

ПОЛЕЗНЫЙ ВКЛАД В ИСТОРИЧЕСКУЮ НАУКУ

За последние годы, особенно после XX съезда КПСС, наши историки, экономисты, философы, юристы усилили внимание к творческой разработке истории народных масс. В частности, опубликовано немало научных работ и защищен ряд кандидатских диссертаций по истории рабочего класса нашей республики.

Однако до сих пор мы не располагали крупным сводным трудом, освещающим славную историю советского рабочего класса Узбекистана, его революционно-преобразовательную деятельность в борьбе за победу социализма и коммунизма.

Между тем всестороннее изучение и обобщение истории героической борьбы рабочего класса СССР, в том числе одного из его отрядов — рабочего класса Узбекистана, — за победу социализма в нашей стране, освещение его роли и творческой деятельности на различных этапах строительства нового общества имеют большое политическое, научное и международное значение.

В этой связи представляет большой интерес опубликованный в 1964 г. коллективный труд Института истории и археологии АН УзССР «История рабочего класса Узбекистана»¹ (т. I), как первое фундаментальное исследование по данной проблеме.

Авторский коллектив тома, опираясь на марксистско-ленинскую теорию и основываясь на широкой документальной базе, создал оригинальную, интересную монографию, освещающую историю рабочего класса Узбекистана за период от победы Великой Октябрьской социалистической революции до кануна Великой Отечественной войны (1917 — июнь 1941 г.).

В работе использованы многочисленные документы Института истории партии при ЦК КПУз, областных партийных архивов, ЦГА УзССР, областных архивов республики, материалы центральной и местной периодической печати, а также интересные

данные, подчерпнутые из бесед с рабочими, ветеранами труда, передовиками промышленных предприятий УзССР.

В книге показаны общие закономерности и специфические особенности формирования и развития рабочего класса республики, деятельность Коммунистической партии по созданию и воспитанию национальных кадров рабочих и инженерно-технических работников, раскрываются пути и формы подготовки этих кадров, героическая деятельность рабочего класса Узбекистана в борьбе за победу социализма.

В первой главе — «Великая Октябрьская социалистическая революция и формирование советского рабочего класса Узбекистана» — содержится общая характеристика промышленного пролетариата в дореволюционном Узбекистане и показано развитие рабочего класса Узбекистана в годы первых социалистических преобразований (1917—1920 гг.).

На большом фактическом материале авторы исследуют процесс зарождения и формирования рабочего класса в Узбекистане после присоединения его к России, показывают, как в условиях жесточайшего национально-колониального гнета, беспощадной эксплуатации, нищеты и бесправия росло классовое самосознание местных рабочих, революционное движение которых сливалось с борьбой российского пролетариата и всех трудящихся страны против царского самодержавия, за победу социалистической революции.

В главе подробно говорится об активном участии рабочих Ташкента и других городов Узбекистана в свершении Октябрьской революции, установлении и упрочении Советской власти, об их героических подвигах в годы гражданской войны.

Вторая глава посвящена истории рабочего класса Узбекистана в период восстановления народного хозяйства и начала социалистической индустриализации. В ней показана титаническая работа рабочего класса Узбекистана под руководством Коммунистической партии по восстановлению народного хозяйства, разрушенного импе-

¹ История рабочего класса Узбекистана (под ред. доктора ист. наук Р. Х. Аминовой), Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1964, 340 стр.

риалистической и гражданской войнами, развитию промышленности и социалистическому преобразованию Узбекистана. В монографии приводятся интересные материалы о восстановлении и развитии промышленности, количественном и качественном росте рабочего класса республики, повышении его трудовой и политической активности. Авторы подчеркивают, что индустриализация Узбекистана была составной частью индустриализации СССР и имела своей важнейшей задачей ликвидацию технико-экономического отсталости, фактического экономического и культурного неравенства узбекского народа.

Центральное место в книге как по своему объему, так и по целостности изложения материала занимают III, IV и V главы, в которых показана героическая борьба рабочего класса Узбекистана во главе с Коммунистической партией за создание экономического фундамента социализма, завершение реконструкции народного хозяйства, победу и упрочение социалистического общества (1928—1941 гг.).

По своему значению этот исторический этап занимает одно из важнейших мест в жизни узбекского народа. Именно тогда была осуществлена ликвидация его былого экономического неравенства и культурной отсталости. Это стало возможным, как убедительно показано в монографии, в результате осуществления мудрой ленинской национальной политики партии, завершения реконструкции народного хозяйства, создания новейшей технической базы, разрешения в основном проблемы кадров рабочего класса.

Основываясь на большом фактическом материале, авторы шаг за шагом прослеживают процесс развития рабочего класса Узбекистана, источники его пополнения, формы и методы подготовки квалифицированных кадров рабочих и ИТР, показывают процесс превращения рабочего класса Узбекистана из небольшого отряда в могучую производительную и общественно-политическую силу.

В этих главах хорошо освещены глубинные процессы, происходившие в самом рабочем классе республики, огромные трудности подготовки кадров рабочего класса в условиях Узбекистана — в прошлом отсталой колониальной окраины царской России. Умело оперируя цифрами и фактами, авторы подводят читателя к выводу, что рост и развитие национального отряда рабочего класса стал возможным только на базе развивавшейся в республике крупной промышленности, в результате успешного осуществления социалистической индустриализации Узбекистана, при всесторонней помощи рабочего класса центральных районов нашей страны.

В монографии, особенно в последних ее главах, нашел отражение такой важный вопрос, как укрепление союза рабочего

класса с дехканством республики при руководящей роли в этом союзе рабочего класса. Деятельность рабочего класса в этом направлении была весьма активной и многогранной. Рабочие помогали создавать колхозы и укреплять их в организационно-хозяйственном отношении. Социалистическая промышленность обеспечивала колхозный строй необходимой материально-технической базой. Посланцы рабочего класса под руководством партийных организаций вели на селе большую политико-воспитательную и культурно-просветительную работу, укрепляли сельские Советы и общественные организации, открывали сельские клубы, избы-читальни, красные чайханы, красные уголки, библиотеки, школы ликбеза, курсы, кружки и т. п.

В заключении даны общие выводы по монографии. Здесь отмечается, что в результате огромной созидательной работы Коммунистической партии и Советского государства, в итоге выполнения довоенных пятилетних планов произошли коренные изменения в экономике и культуре Узбекской ССР. Одним из замечательных успехов социалистического строительства было создание квалифицированных национальных промышленных кадров, многотысячной армии рабочего класса Узбекистана — славного отряда советского рабочего класса — самой передовой, организованной силы нашего общества.

Отмечая бесспорные достоинства книги «История рабочего класса Узбекистана», надо сказать, что работа не лишена и некоторых недостатков. Прежде всего, на наш взгляд, при последующем переиздании этой книги в большем объеме следует шире и глубже показать общественно-политическую деятельность рабочего класса Узбекистана в революционном преобразовании общества, раскрыть его активный вклад в борьбу за развитие советской демократии, за проведение культурной революции; роль рабочего класса в интернациональном воспитании трудящихся, укреплении дружбы народов СССР.

Далее, необходимо шире показать деятельность рабочего класса Узбекистана в борьбе за укрепление Советов на местах в первые годы Советской власти, подчеркнуть огромные трудности формирования и развития национальных кадров рабочего класса, осветить вопросы повышения материального благосостояния рабочих в исследуемый период.

В целом же монография производит весьма положительное впечатление. Выход в свет этой полезной книги бесспорно обогатит нашу историческую науку и окажет большую помощь всем изучающим историю рабочего класса Советского Узбекистана.

Х. Ш. Иноят, В. Ш. Баждасаров,
Л. В. Гентшке

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ОБЪЕДИНЕННАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 40-ЛЕТИЮ
УЗБЕКСКОЙ ССР И КОМПАРТИИ УЗБЕКИСТАНА

С 12 по 26 января 1965 г. проходила объединенная научная сессия Академии наук УзССР, Министерства высшего и среднего специального образования республики, Института истории партии при ЦК КПУз, посвященная 40-летию Узбекской ССР и Компартии Узбекистана.

Сессию открыл вступительным словом председатель Организационного комитета сессии вице-президент АН УзССР И. М. Муминов. Сорокалетний юбилей нашей республики, — сказал он, — вылился в большой и волнующий праздник не только узбекского народа, но и всех народов Советского Союза, в торжество мудрой ленинской национальной политики Коммунистической партии и Советского государства. Ученые Узбекистана вместе со всеми трудящимися республики встретили эту знаменательную дату новыми достижениями в своем творческом труде. И. М. Муминов отметил, что сессия призвана подвести итоги исследовательской деятельности ученых республики и наметить пути дальнейшего развития научной мысли в Узбекистане. В заключение он пожелал участникам объединенной сессии успехов в их плодотворной работе.

Затем с докладом «40 лет развития Узбекской ССР и славного пути Компартии Узбекистана» — выступил президент АН УзССР У. А. Арифов. Докладчик подробно осветил огромные успехи в развитии экономики, науки и культуры, достигнутые узбекским народом за годы социалистического строительства под руководством Коммунистической партии, при братской помощи великого русского народа и других народов Советского Союза.

Эти успехи служат ярким доказательством того, какого колоссального прогресса в течение жизни одного поколения может достигнуть ранее отсталый народ, вставший на путь строительства социализма и коммунизма. Особое внимание докладчик уделил развитию науки в Узбекистане, превратившемся за годы Советской власти в подлинный маяк социалистической культуры на Востоке.

Дальнейшая работа объединенной научной сессии проходила в 15 секциях, на ко-

торых было сделано 120 докладов. Из них 53 доклада были прочитаны на 8 секциях общественных наук, где присутствовало около 1300 человек.

На секции экономических наук (руководители член-корр. АН УзССР К. Н. Бедринцев и доктор экон. наук О. Б. Джамалов) было прочитано 7 докладов. Доктор экон. наук О. Б. Джамалов в докладе «Основные итоги и перспективы развития экономической науки в Узбекистане» осветил основные направления развития экономических исследований в УзССР на различных этапах социалистического строительства и обрисовал перспективы дальнейшего развития экономической науки в республике. Особое внимание в докладе было уделено вопросам подготовки и рационального использования кадров экономистов, привлечения в научно-исследовательскую работу преподавателей экономических дисциплин вузов, дальнейшему укреплению связей экономических институтов с планирующими, проектными организациями, конструкторскими бюро, производством.

С глубоко аргументированным докладом «Проблема размещения производительных сил Узбекистана» выступил член-корр. АН УзССР К. Н. Бедринцев. Он подробно остановился на вопросах рационального размещения производительных сил республики с учетом ее места и роли в общесоюзном разделении труда.

На секции были заслушаны также доклады канд. экон. наук В. А. Осминина «Проблема темпов и пропорций в развитии экономики Узбекистана», канд. экон. наук Х. М. Джалилова «Развитие аграрно-экономической науки в Узбекистане». Канд. экон. наук М. М. Карнев посвятил свой доклад вопросам развития экономического образования в УзССР, подготовке квалифицированных кадров экономистов для всех отраслей народного хозяйства. Содержательным был доклад канд. экон. наук В. Д. Зайцева, посвященный проблеме воспроизводства, распределения и использования трудовых ресурсов в народном хозяйстве Узбекской ССР. Доктор геогр. наук Э. М. Акрамов, научные сотрудники СОПСа В. Я. Мощенко и Э. Л. Золотарев выступи-

ли на секции с совместным докладом «Проблемы использования, охраны и воспроизводства природных ресурсов Узбекистана».

Весьма плодотворно прошла работа секции философских и правовых наук (руководители акад. АН УзССР И. М. Муминов и акад. АН УзССР Х. С. Сулайманова), на которой было прочитано 6 докладов.

Акад. АН УзССР И. М. Муминов выступил с докладом «Философская наука в Узбекистане за 40 лет». Он подробно охарактеризовал основные этапы развития философской и социологической мысли в Советском Узбекистане в тесной связи с практикой социалистического строительства, ростом экономики и культуры всей страны. Большое место в докладе заняли вопросы подготовки высококвалифицированных кадров философов. Осветив главные итоги научно-исследовательской работы философов республики, И. М. Муминов указал на важнейшие задачи философской науки в Узбекистане в свете решений XXII съезда КПСС и новой Программы партии.

Канд. филос. наук М. М. Хайруллаев сделал доклад на тему: «О марксистско-ленинском изучении философского наследия народов Узбекистана», а канд. филос. наук А. Т. Аюпов — «О возрастании научного мировоззрения в период развернутого строительства коммунизма».

Большой интерес вызвал доклад акад. АН УзССР Х. С. Сулаймановой «Юридическая наука в Узбекистане за 40 лет и задачи ее дальнейшего развития», в котором были подведены итоги развития правовой науки в республике и определены задачи ученых-юристов в свете программных положений партии о всемерном укреплении социалистической демократии, законности и правосудия в СССР, совершенствовании правового законодательства и воспитании трудящихся в духе добровольного выполнения всех норм советского права и правил социалистического общежития.

Член-корр. АН УзССР А. И. Ишанов в докладе «Создание Узбекской ССР — суверенного государства в составе СССР» говорил о законодательном оформлении образования УзССР и вхождения ее в состав СССР как равноправного члена Советской федерации. С интересным докладом выступил также доктор юр. наук А. А. Агзамходжаев.

На секции истории КПСС (руководитель — доктор ист. наук М. Г. Вахабов) было прочитано 4 доклада: доктора ист. наук В. Я. Непомнина «Опыт партийного руководства процессом перехода узбекского народа к социализму, минуя капитализм», канд. ист. наук Е. В. Васильева «Организаторская и идейно-политическая деятельность Компартии Узбекистана в период развернутого строительства коммунистического общества», канд. ист. наук В. Ш. Багдасарова «Компартия Узбекистана в борьбе за дальнейшее развитие промышленности на современном этапе» и канд. ист. наук Х. Саидова «Компартия Узбекистана в

борьбе за подъем сельского хозяйства на современном этапе».

9 докладов было заслушано на секции исторических наук (руководители член-корр. АН УзССР М. Ю. Юлдашев и член-корр. АН УзССР Я. Г. Гулямов).

Заседание секции открылось докладом канд. ист. наук М. А. Ахуновой «Разработка истории Узбекской ССР в свете решений XX—XXII съездов КПСС». Главное внимание в докладе было уделено созданию нового капитального труда «История Узбекской ССР», охватывающего период с древнейших времен до наших дней и основанного на новейших достижениях исторической науки.

Член-корр. АН УзССР М. Ю. Юлдашев выступил с докладом «К истории дехкан». В итоге многолетнего изучения архивных материалов докладчик пришел к выводу, что дехканин в Хиве — это не просто землевладелец, как до сих пор было принято в нашей исторической литературе; по своему происхождению хивинский дехканин — это в большинстве случаев недавний землевладелец, лишенный средств производства и вынужденный в силу экономической необходимости искать заработка у крупного землевладельца. Дехкане, наряду с рабами, стояли на самой низкой ступени социальной лестницы в феодальной Хиве.

Член-корр. Я. Г. Гулямов, выступивший с докладом «История формирования и проблема освоения земель древнего орошения в Бухарской области», сообщил о результатах археологического исследования в оазисе и пустынях Бухарской области, позволившего осветить историческую гидрогеографию низовьев Зарафшана и Кашкадарьи. Археологи, идя по следам древних культур, определили время и пути обводнения, причины запустения этих обширных земель древнего орошения и выявили возможность их освоения в наши дни.

На секции были заслушаны также доклады доктора ист. наук А. Х. Бабаходжаева на тему: «XXII съезд КПСС о международном значении опыта некапиталистического пути развития республик Советского Востока (по материалам Узбекской ССР)», доктора ист. наук Р. Х. Аминовой «Женщины Узбекистана — славные строительницы коммунистического общества», доктора ист. наук В. А. Шишкина «Археология в Узбекистане за 40 лет». Высокой оценки заслужили доклады молодых ученых — канд. ист. наук М. Ю. Юнусходжаевой «Аграрные отношения в Средней Азии в середине XIX века (к вопросу об издольщине)» и канд. ист. наук М. Я. Яукачевой — «Женщины зарубежного Востока в борьбе за независимость на современном этапе».

На заседаниях секции языкознания (руководители доктора филол. наук Г. А. Абдурахманов и Ш. Ш. Шаабдурахманов) было прочитано 6 докладов. Канд. филол. наук С. Атамирзаева в докладе «Значение и задачи экспериментальной фонетики узбекского языка» говорила о необходимости

разработки важнейших проблем в области звукового состава узбекского языка и создания на этой основе подлинно научной фонетики узбекского литературного языка.

Канд. филол. наук З. Магрупов прочитал доклад «Узбекская советская лексикография за 40 лет», в котором привел интересные данные из истории среднеазиатской лексикографии, начиная от словаря Махмуда Кашгарского «Диван лугат-ат-тюрк», написанного в XI в., и кончая трудами русских востоковедов и тюркологов XIX — начала XX в., сыгравших значительную роль в становлении молодой узбекской советской лексикографии.

Участники секции заслушали также доклады канд. филол. наук Ф. Камалова «Вопросы изучения современного литературного узбекского языка», доктора филол. наук Ш. Ш. Шаабдурахманова «Развитие диалектологической науки в Узбекистане», канд. экон. наук Н. М. Муратова «Вопросы терминологии в узбекском языке», доктора филол. наук С. И. Ибрагимова «Вопросы культуры речи узбекского языка». Все выступавшие говорили о теоретических проблемах узбекского языкознания и перспективах его дальнейшего развития.

На секции литературоведения (руководители член-корр. АН УзССР В. Ю. Захидов и доктор филол. наук Х. С. Сулейманов) было сделано 6 докладов. Член-корр. АН УзССР В. Ю. Захидов посвятил свой доклад итогам развития литературоведения в Узбекистане за 40 лет.

Доктор филол. наук Х. С. Сулейманов рассказал о результатах выявления, сбора и описания рукописей письменных памятников узбекской литературы. Особый интерес слушателей вызвало сообщение Х. С. Сулейманова о том, что в 1964 г. сотрудники сектора источниковедения обнаружили в ленинградских архивах новые, ранее не известные памятники узбекской литературы XV—XVI вв.

Участники секции заслушали и обсудили доклады канд. филол. наук Х. И. Якубова «История изучения узбекской советской литературы», канд. филол. наук Д. Ш. Шарипова «Из истории художественного перевода в Узбекистане», канд. филол. наук Д. Кабулниязова «Воспевание идей В. И. Ленина и Коммунистической партии в узбекском народном поэтическом творчестве» и канд. филол. наук Х. Р. Расулева «О Музее литературы АН УзССР и его научном фонде».

В докладах секции искусствоведения (руководитель — доктор искусствоведения Г. Н. Пугаченкова) был затронут широкий круг искусствоведческих проблем. Вопросам развития изобразительного искусства в Узбекистане были посвящены доклады кандидатов искусствоведения А. Умарова и Р. Такташа, архитектуры — кандидата искусствоведения П. Захидова и Т. Кадыро-

вой, прикладного искусства — кандидата искусствоведения А. С. Морозовой, музыки — кандидатов искусствоведения Ф. М. Кароматова и Т. С. Вызго, театрального искусства — кандидатов искусствоведения Я. С. Фельдмана и А. М. Рыбника, хореографии — Л. А. Авдеевой. Вопросы воспитания кадров и театрального образования в республике осветил канд. филос. наук Х. Абдуллаев.

На заседаниях секции педагогических наук (руководитель — член-корр. Академии педагогических наук СССР С. Р. Раджабов) были заслушаны доклады члена-корр. АПН СССР С. Р. Раджабова «Народное образование и педагогические науки в Узбекистане за 40 лет», канд. пед. наук М. Г. Давлетшина «Психологическая наука в Узбекистане за 40 лет», канд. пед. наук Д. Урумбаева «Развитие народного образования в Каракалпакской АССР за годы Советской власти», канд. пед. наук Ю. Абдуллаева «Развитие методики преподавания родного языка в узбекских школах», канд. филол. наук М. А. Хегая «Из опыта преподавания узбекского языка в узбекской школе», канд. пед. наук Э. Ф. Миртурсунова «О педагогических взглядах Хамзы Хаким-заде Ниязи», канд. пед. наук А. Бекбасова «Психологические основы усвоения орфографии русского языка каракалпакскими школьниками», канд. пед. наук М. А. Музаффарова «Роль воссоздающего воображения в усвоении знаний», канд. пед. наук Н. И. Нигматова «Развитие обобщающей деятельности мышления учащихся в процессе обучения».

На заключительном пленарном заседании объединенной научной сессии с докладом на тему: «Перспективы развития экономики и культуры Узбекистана» выступил председатель Госплана УзССР С. К. Зиядуллаев. Подробно осветив задачи экономического и культурного развития республики в предстоящей пятилетке, он подчеркнул, что успешная разработка научных основ наиболее эффективного использования огромных ресурсов экономики для ускорения темпов развития экономики и повышения благосостояния народа возможна лишь совместными усилиями ученых — специалистов естественных, технических и экономических наук.

Затем с отчетами о работе секции выступили их руководители. Общие итоги объединенной научной сессии, посвященной 40-летию Узбекской ССР и Компартии Узбекистана, подвел в заключительном слове вице-президент АН УзССР И. М. Муминов. Он отметил, что сессия прошла на высоком научно-теоретическом уровне и свидетельствовала о значительных успехах наших ученых в разработке важнейших научных проблем, тесно связанных с практическими задачами коммунистического строительства.

А. Нуруллаев, Р. Хамидов

МУНДАРИЖА

А. М. Аминов. Ўзбекистон иқтисодий тарихи соҳасидаги илмий тадқиқотлар масаласи ҳақида	5
Х. А. Раҳмонқулов. Социалистик мулкчиликнинг икки формасининг яқинлашувиди совет ҳуқуқининг роли ҳақида	16
В. А. Абдуллаев. Абдураҳмон Жомий Самарқандда	22
Д. С. Носиров. Қорақалпоқ тилшунослиги тараққиётининг баъзи яқунлари	27
<i>Олимларимиз нима устида ишламоқдалар</i>	32

Илмий ахборот

И. Искандаров. Ўзбекистон ССРда ип-газлама саноатининг ривожланиш перспективаларига доир	34
Б. Исмоилов. Тафаккур билан тилнинг ўзаро муносабатига доир	37
И. Алимов. Тошкент областидаги ер-сув ислоҳоти тарихидан	40
Ҳ. Азимов. Ўзбекистонда қишлоқ хўжалигини коллективлаштириш масаласига доир	42
Ю. П. Манилов. 1963 йил кўҳна Пиль-кала шаҳрида олиб борилган ишлар	44
М. Н. Федоров. XI асрнинг иккинчи чораги Қорахонийлар тарихига оид	48

Танқид ва библиография

М. Х. Нурматов, Ф. С. Подойников. Илмий абстракция назарияси бўйича янги илмий асар	55
Ҳ. Ш. Иноятов, В. Ш. Багдасаров, Л. В. Гентшке. Тарих фанига қўшилган баракали ҳисса	58

Илмий ҳаёт хроникаси

А. Нуруллаев, Р. Ҳамидов. Ўзбекистон ССР ва Ўзбекистон Компартиясининг 40 йиллигига бағишланган қўшма илмий сессия	60
--	----

СОДЕРЖАНИЕ

А. М. Аминов. О задачах научных исследований в области экономической истории Узбекистана	5
Х. А. Рахманкулов. О роли советского права в сближении двух форм социалистической собственности	16
В. А. Абдуллаев. Абдурахман Джами в Самарканде	22
Д. С. Насыров. Некоторые итоги развития каракалпакского языкознания	27
<i>Над чем работают наши ученые</i>	32

Научные сообщения

И. Искандеров. К перспективам развития хлопчатобумажной промышленности в Узбекской ССР.	34
Б. Исмаилов. О соотношении языка с мышлением	37
И. Алимов. Из истории земельно-водной реформы в Ташкентской области	40
Х. Азимов. К вопросу о коллективизации сельского хозяйства в Узбекистане.	42
Ю. П. Манылов. Работы на городище Пиль-кала в 1963 году	44
М. Н. Федоров. К истории Караханидов второй четверти XI века	48

Критика и библиография

М. Х. Нурматов, Ф. С. Подойников. Новое исследование по теории научной абстракции	55
Х. Ш. Иноятов, В. Ш. Багдасаров, Л. В. Гентшке. Полезный вклад в историческую науку	58

Хроника научной жизни

А. Нуруллаев, Р. Хамидов. Объединенная научная сессия, посвященная 40-летию Узбекской ССР и Компартии Узбекистана	60
---	----

Технический редактор З. П. Горьковая

Р08067. Сдано в набор 9/XII-1964 г. Подписано к печати 25/III-1965 г. Формат 70×108^{1/16}-2,0 бум. л.—5,48. Уч. изд. л. 6,0. Изд. № 1155/65. Тираж 1248. Цена 40 к.

Типография Изд-ва «Наука» УзССР, 2-я Высоковольная, 21. Заказ 387.
Адрес Издательства: ул. Гоголя, 70.

Цена 40 коп.

**Индекс
75349**